

Искорка

**26 февраля 1969 года
исполняется
100 лет со дня рождения
друга и соратника Ильича
НАДЕЖДЫ КОНСТАНТИНОВНЫ
КРУПСКОЙ**

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Обкома, и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ • 1969

год издания XIII

Л. БАРБАС

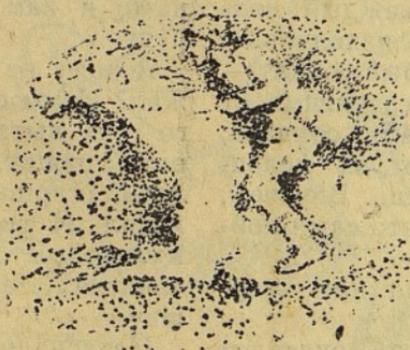

ОРДИНАРЕЦ

Густые снега возле дома,
Мороз по-февральски сердит,
Мальчишка дорогой знакомой,
Сбивая прохожих, летит.
Грохочут машины в сторонке,
Мальчишка забыл обо всём:
Не ранец из жёлтой клеёнки —
Походная сумка на нём.
А в сумке пакет от Чапая,
И надо с ответом назад...
Звенят ли на стыках трамвай?
Клинки ли стальные звенят?
Под ним его конь быстроногий
Вбивает копытами след,
Связной не собьётся с дороги
И важный доставит пакет.

Чапаев в папахе и бурке
Ждёт где-то его одного,
Мальчишка — в своём переулке —
Сейчас ординарец его.
От ветра горячие щёки,
Бежит, рукавицей прикрыв...
Да только пора на уроки
Связному, товарищ начдив.
Примеры решать на сложенье,
Задачи выписывать в ряд...
Войдите в его положение,
Какой без ученья солдат?!
А если не станет стараться,
Захочет прожить без труда,
Возьмите к себе в ординарцы
Другого мальчишку тогда.

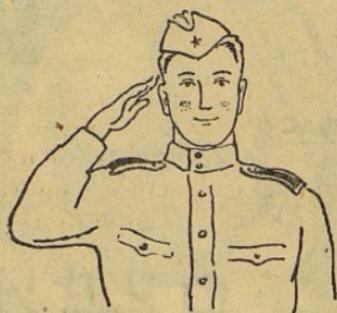
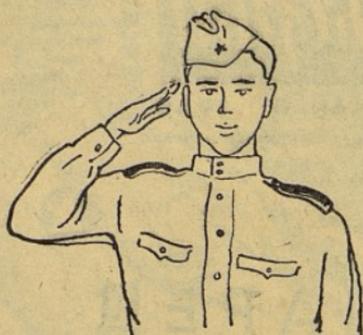
Рис. В. Адаева

М Ч. ГАРЬНЫЙ
ЗАЛ

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Шестеро хитрых

— Самые расторопные в мире люди — это солдаты. Пока мямля разуается, расторопный солдат успеет в бане помыться. И нет для настоящего солдата безвыходных положений, потому что хитрость да смётка помогают солдату крепко.

Так говорил наш старшина — старшина Синьков.

И ещё говорил он:

— Конечно, вы сами понимаете, бывают и такие солдаты, которые нехитрые. Но это их личное дело. Потому что, на мой взгляд, каждый солдат должен быть находчивым и хитрым: не хитрый солдат — это не солдат. Независимо от того, какая у него, солдата, должность: сапёр ли, фельдшер или пехотинец... Впрочем, когда-нибудь вы это сами поймёте.

Вот что говорил нам старшина Синьков.

И, в общем-то, оказался прав: мы действительно это поняли.

А вот правильно ли мы это поняли — судить вам.

КАК СТАРШИНА СИНЬКОВ ИСКАЛ ПУШКУ

На занятиях по маскировке старшина Синьков всегда рассказывал нам, как однажды солдаты замаскировали пушку, а потом полчаса ползали — не могли её отыскать.

— Вот это прекрасный пример на маскировку, — говорил старшина. — Когда вы тоже так научитесь маскировать, я вам первый пожму руку.

А кому не хочется, чтоб пожал? И мы с Кульковым много раз пытались замаскировать пушку. Да не получалось: старшина сразу же приходил. И вот однажды мы с Кульковым снова решили на занятиях замаскировать пушку.

Натаскали веток.
Разбросали листья.
Отошли в сторону.

И — сами удивились: нет пушки! Только что была, а теперь нет! Целиком и полностью слилась с зеленью!

Говорю Кулькову:

— Видишь пушку?

— Нет, — отвечает, — не вижу.

— И я, — говорю, — не вижу.

Побежали мы тогда за старшиной, старшину искать. Он в это время сапоги чистил.

— Товарищ старшина, — говорим, — пушку замаскировали!

— Эка, — говорит, — невидаль: пушку...

Однако перестал чистить. Пошёл.

Приводим на поляну, где замаскировали.

— Вот! — говорим.

— Что вот?

— Пушка!

— Где пушка?

— Замаскирована!

Крякнул старшина, сощурил один глаз, потом другой, сел на корточки, зелень рассматривает и тоже, как и мы, ничего не видит.

«Что же это такое? — думаем. — Может, мы с Кульковым не на ту поляну старшину привели?»

— Ну, а вы-то сами видите свою пушку? — спрашивает между тем нас старшина.

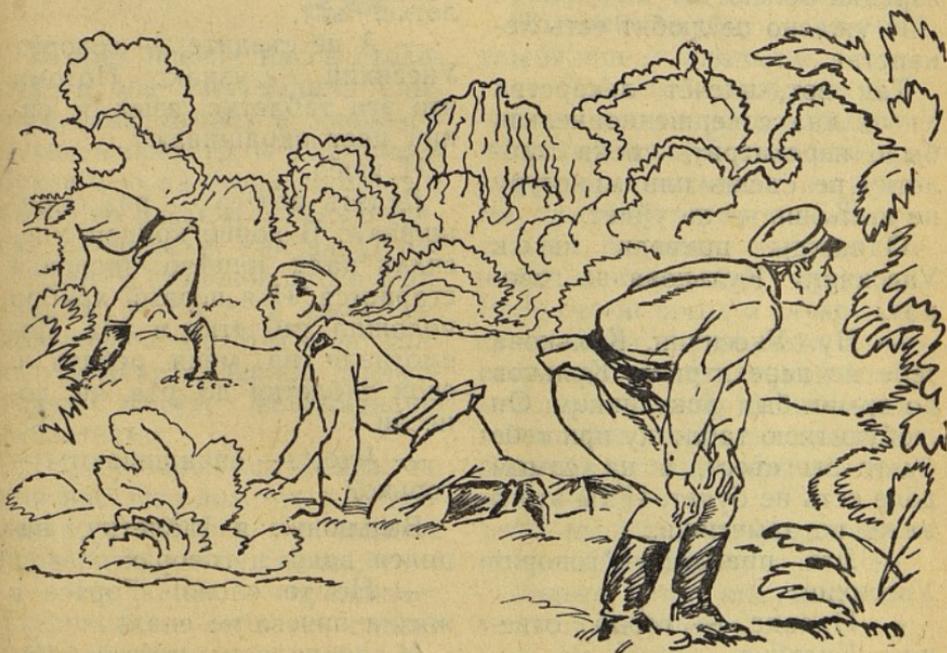
Переглянулись мы с Кульковым и хором отвечаем:

— Никак нет!

Тут уж не на шутку забеспокоился наш старшина и начал вместе с нами пушку искать.

Нашли мы её в конце концов, нашли. Раз двадцать мимо проходили, пока старшина не воскликнул:

— Да вот же она, пушка!

Обрадовались мы. А старшина говорит:

— Знаете, ребята, в другой раз лучше запоминайте место маскировки. А то можем и не найти. Это всё-таки не пуговица какая-нибудь, а пушка...

Но руки-то нам старшина всё равно пожал.

ОКРАШИВАЮЩИЕ ТАБЛЕТКИ ФЕЛЬДШЕРА УНЕСИХИНА

За нашим здоровьем в армии следил фельдшер Унесихин. Вообще-то был у нас врач. Но когда он узнал, что Унесихин почти что окончил медицинский институт, сразу назначил Унесихина следить за нашим здоровьем. Потому что главное для солдата — здоровье.

Но солдаты, как и вы, тоже изредка болеют.

И ужасно не любят есть лекарства.

Так вот, насчёт лекарства Унесихина совершенно нельзя было перехитрить: пока таблетку не съешь или микстуру не выпьешь — не уйдёт.

Однажды привели мы к Унесихину Кулькова и говорим:

— Ну, Унесихин, Кулькова тебе не перехитрить. Кульков до армии был фокусником. Он любую твою таблетку при тебе будто бы съест, а на самом деле есть не будет. И ты этого даже не заметишь...

— Это правда? — говорит Унесихин.

— Правда, — гордо отвечает Кульков.

— Тогда нá вот тебе в одну руку метлу, а в другую совок, — говорит Унесихин. — Взял?

— Взял, — отвечает Кульков.

— Ну, а теперь открывай пошире рот, я сам положу тебе таблетку.

И положил.

Стоит этот фокусник с метлой и совком и как миленький проглатывает таблетку.

А что ему ещё делать? Руки-то у него заняты!

Совершенно нельзя было этого Унесихина перехитрить!

А ещё были у Унесихина таблетки, которые окрашивали.

Однажды приходит к нам Унесихин, в руках у него коробочка с лекарствами, и он говорит, что надвигается на нас вирусный грипп, и мы должны съесть по одной таблетке.

— А не съедите, — говорит Унесихин, — узнаю. Потому что эти таблетки язык в синий цвет окрашивают...

И ушёл.

Делать нечего — раз окрашивают. В конце концов Унесихин ради нашего здоровья старается. И я первый храбро положил таблетку в рот. Посмотрели на меня ребята и свои таблетки до рта не донесли.

— Что, — спрашивают, — горько?

Выплюнул я таблетку, напился воды и говорю:

— Не то слово! Горчее в жизни ничего не едал!

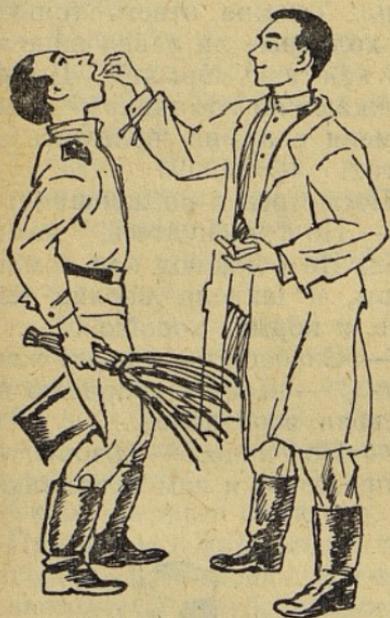
И закопали мы свои таблет-

ки недалеко от казармы. А потом стали думать: чем бы таким синим языки намазать?

Вдруг Кульков говорит:

— Черникой!

И бросились мы за черникой в лес.

В обед повели нас в столовую, и мы уже издали слышим, как играет в столовой духовой оркестр, и уже видим буквально на столах компот и бачок со щами и солёную треску по-польски, как вдруг замечаем у столовой этого Унесихина: он стоит в своём белом халате, а рядом стоит солдат-санитар и держит фарфоровую миску, наполненную таблетками.

«Ну, — думаем, — это не для нас. Это для тех, кто таблетки не ел. А у нас, можете проверять, языки синие...»

— Ну, как? — спрашивает Унесихин. — Таблетки съели?

Мы кричим:

— Так точно, товарищ сержант! Смотрите сами. У всех языки синие!

Смотрит Унесихин на наши языки и самым обидным образом начинает хохотать.

— Да? — говорит. — Съели? Из моих рук ещё раз съешьте. Языки у вас, вероятно, от черники синие. А таблетки тут ни при чём, они, к вашему сведению, ничего не окрашивают... А ну, открывайте пошире рот!

Нет, совершенно нельзя было этого Унесихина перехитрить!

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ПОСТ

Кульков и Максимович уже ходили на пятый пост. И, по их мнению, пятый пост среди других постов был самый трудный.

— Почему трудный? — спрашивали те, кто не ходил.

Но они только загадочно улыбались и отвечали:

— Пойдёте — узнаете.

Выпало и мне как-то идти на пятый пост. Взял я шинель, автомат, подсумок с патронами, прихожу на пост, осматриваюсь, пытаюсь заранее понять, почему пост трудный. Если бы он стоял в глухом лесу — тогда другое дело, а тут огорожен со всех сторон колючей проволокой, и слева от проволоки парк, справа — огороды, сзади — речка, впереди — дорога.

Очень даже не трудный, а приятный пост!

Только я так подумал, кто-то окликает меня:

— Часовой!..

Оглядываюсь: стоят на территории парка два каких-то парня, устали, видно, по парку гулять, решили со мной поговорить.

— Слушай, часовой, тридцать три или тридцать два патрона в автоматном диске?

Посмотрел я на них — ничего не ответил. Мне на посту разговаривать не положено. И тем более отвечать на глупые вопросы.

— Ишь, — говорят, — гордый какой...

И ушли.

Только ушли — ещё два каких-то парня останавливают. Говорят:

— Слушай, часовой... Понимаешь, какая штука: нам нынче в армию призываться, а мы решить никак не можем: куда лучше идти — в пехоту или на флот?

Задумался я тут! Ведь не с глупыми вопросами к тебе пристают, а про дело спрашивают. Люди важный шаг в жизни готовы сделать. А я, как-никак, военный специалист.

— Не знаю, — говорю, — ребята. И даже посоветовать ничего не могу: мне на посту, понимаете, разговаривать запрещается. Но только кому что нравится: одним — пехота, другим — флот...

— Нам бы во флот...

— Ну и идите тогда во флот...

Только посоветовал я им, останавливается на дороге какая-то женщина и начинает махать рукой.

Думаю: знакомая, что ли?

— Солдатик, а солдатик, подойди-ка сюда...

— Что вам, — спрашиваю, — мамаша? Оттуда говорите: я близко подходить не могу...

— Ну, тогда стой, где стоишь... Ты мне ответь только: не холодные ли у вас шинели да как вас кормят?.. Да не обижают ли командиры?.. Сын у меня в армии, волнуюсь за него...

Посмотрел я на женщину:

— Не волнуйтесь, мамаша... Не обижают нас командиры, и шинели вполне тёплые, и кормят хорошо...

— Спасибо, — говорит женщина. — Дай-ка поправлю на шинели воротничок...

— Не надо, — говорю, — поправлять, я сам поправлю...

Только ушла она — школьницы появились. Уроки, видно, у них кончились.

— Дяденька, — говорят, — дайте из автомата стрельнуть! Дяденька, вы тут давно стоите? Дяденька, вам мороженое принести?

— Спасибо, — говорю, — дети, не надо. Идите себе домой, делайте задания, а обо мне забудьте...

Только спровадил их — останавливаются три девушки. И все хорошие такие.

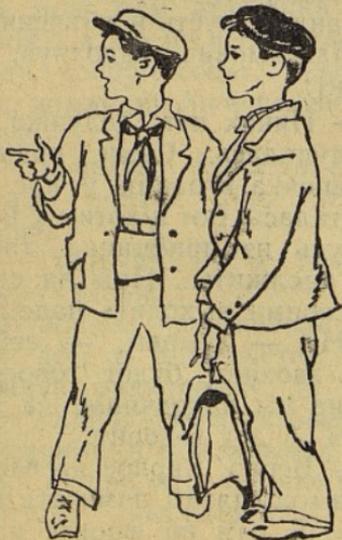
— У вас в клубе в субботу будут танцы?

— Будут, — говорю.

Говорю, а сам мысленно соглашаюсь с ребятами, что пятый пост — трудный. Разве можно в такой обстановке службу нести?

Скоро сменили меня.

Пришёл я в караульное помещение и позвонил своему знакомому в клуб, попросил

принести лист хорошей чертёжной бумаги, тушь и плакатное перо.

И когда через несколько часов я снова заступил на пятый пост, повесил молча на колючую проволоку свои плакаты — по одному плакату с каждой стороны.

**Товарищи, не отвлекайте
часового разговорами!
Помните:
часовой стоит на посту!**

Люди останавливались, читали и, улыбаясь, шли дальше. И мне даже чуточку было грустно, что никто теперь не остановится со мной заговорить...

НАШ РАДИСТ ЛУГА

Однажды на самолёте сбросили нас в тыл «врага». Вернее, самолёта никакого у нас не было: нас привезли на обыкновенной грузовой автомашине. Но считалось, будто это самолёт.

Привезли, значит, нас и сбросили, и наш радист Луга (это фамилия у него такая), стал налаживать с нашим подразделением связь.

Только, к сожалению, ничего у него не получилось, потому что в рации не оказалось одной лампочки.

— Найди в запасном комплекте другую, — говорит Луге наш командир Максимович.

— Запасного комплекта

тоже нет, — уныло отвечает Луга.

Тут уж мы все разозлились.

— То есть как нет? То у тебя почему-то одной радиолампочки не хватает, то теперь весь запасной аварийный комплект куда-то исчез! Да ты что?!

Хлопает долговязый Луга застенчиво глазами и говорит:

— Это всё старшина, ребята, подстроил. Чтоб, значит, у нас трудности были и чтоб мы сумели свою смекалку проявить... А я перед вылетом рацию не проверил, потому что накануне её проверял, и вот... честное слово, теперь всегда перед вылетом буду проверять рацию!

То, что он будет теперь проверять, это хорошо, но сейчас то что нам делать? Нам задание выполнять нужно — сведения о противнике передавать: где у него стоят танки, где ракетные установки...

А как мы всё это передадим?

Был бы в лесу магазин, можно было бы в магазин за радиолампой сбегать. Но где в лесу магазин?

Тут наш печальный Луга говорит:

— А деревни тут поблизости нету?

Расстелил наш командир Максимович карту, смотрим: есть деревня, километров двадцать до неё будет. Только зачем она нам? Мы тут не в гости собрались идти, а ответственное задание выполнять.

— Я там лампочку попробую раздобыть, — виновато

говорит Луга. — Теперь знаете какие деревни пошли? И приёмники, и телевизоры, и мотоциклы — всё есть. Я это собственными глазами в кино видел. Вот я нужную лампочку у кого-нибудь и попрошу...

Молодец! Всё-таки не до конца растяпой оказался Луга!

Пошли мы в деревню. Впереди Кульков бежит, следом застенчивый Луга вышагивает, за ними наш командир Петя Максимович злится, а за командиром — Завалий и я идём.

Приходим в деревню — все на нас смотрят. Да и как не смотреть: идут пятеро вооружённых людей в маскировочных халатах и, задрав головы, на крыши домов зачем-то глядят (а это мы антенну радиоприёмника высматривали).

Какой-то дед нам говорит:

— Что это вы, служивые? Заблудились никак?

Посмотрели мы на нашего командира Максимовича (раз командир, пусть и объясняет), и Максимович, вздохнув, говорит:

— Никак нет, дедушка, не заблудились. Сами пришли. Лампочка в рации у нас испортилась. Вот и хотим у кого-нибудь из приёмника такую же одолжить... Нам на связь со своими выходить надо...

«Ну, — думаем, — сейчас дед заохает, будет говорить, какие мы находчивые да хитрые». А дед говорит:

— Верно: мирное население своим солдатам помогать должно. Я сам на фронте ради-

стом был. Но только к рации у меня всегда аварийный запасной комплект находился... А ваш где?

Вот до чего въедливый дед! А нам неловко при всех говорить, что запасного аварийного комплекта у нас нету, что это, мол, нам старшина подстроил, а мы не проверили, — люди вокруг стоят, поэтому наш командир Максимович говорит:

— А нельзя, дедушка, к вам в дом войти? Тут что-то жарко.

— Почему же, — говорит дед, — входи.

В общем, рассказали мы ему всё, и дед достал нам нужную радиолампу. И пока наш радист Луга связывался со своими и докладывал точками и тире, что задание нами успешно выполняется, дед сказал нам:

— А вы не обижайтесь на старшину, ребята. В мирное время трудно — легко будет в бою.

— А что нам обижаться? Мы не обижаемся.

Через два дня, когда вернулись мы, выполнив задание, в свой лагерь, старшина признался, что когда зазвучали в эфире наши позывные, он даже не сразу поверил, что это мы.

— Где это вы в лесу радиолампочку раздобыли?!

Посмотрели мы на нашего радиста Лугу и коротко отвечаем:

— Мирное население пошло.

Вечером мы отправили нашему деду письмо и приложили к письму комплект радиоламп: пусть дед сидит вечерами и приёмник крутит. И вспоминает, как выручил нас...

ТЮК НА СОСНЕ

Зимой, когда у нас опять были учения, мы уже хорошо подготовились к ним. И уже никаких таких недочётов у нас не было.

Но вот, когда сбрасывали нам с самолёта тюк со снаряжением (на этот раз и самолёт был настоящий, и тюк настоящий — были в нём лыжи для нас, еда разная и прочее снаряжение), тюк повис на сосне. А это не наша вина. Это лётчики промахнулись.

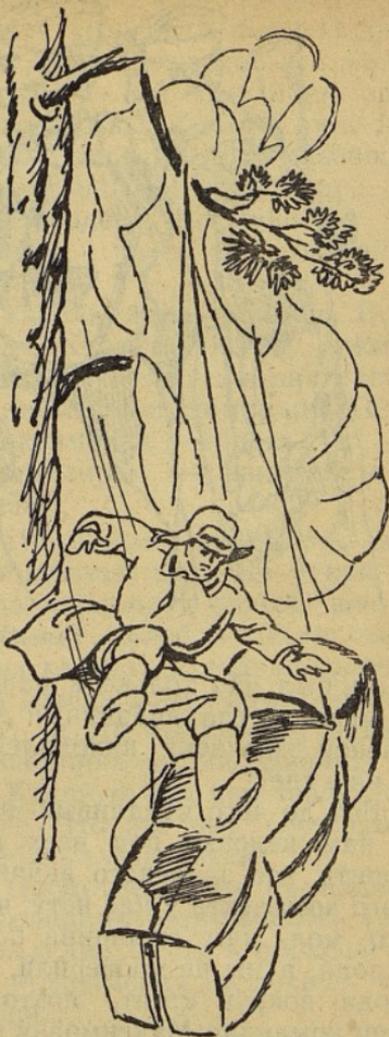
Раньше бы мы как сделали? Раньше бы мы попросили Завалия перестрелить капроновый тросик, на котором тюк висит. И Завалий бы запросто это сделал. Он не то что в тросик — в спичку мог попасть.

Но мы этого не сделали — стрелять нам было нельзя: «противник» бы сразу услышал, что мы у него в тылу.

И тогда наш командир Максимович поплевал на руки, надел перчатки и, как белка, полез по сосне. Лазал-то он хорошо, потому что до армии работал монтажником.

Подобрался он к парашюту, на котором висел тюк, и начал острым ножом перерезать стропы. Перережет стропу и ползёт дальше. И когда осталась всего одна стропа, на которой как раз тюк и держался, подломилась под нашим командиром ветка, и наш командир плюхнулся вниз. Хорошо, в снег упал. А тюк остался.

Смотрим мы на тюк и думаем: «Как же теперь быть?»

Ветка подломилась, а тюк остался. Без лыж по такому снегу нам не пройти. И вся еда на ветке болтается...»

— Вот, — говорит Максимович, — угораздило! И ветку сломал. И тюка нет. Как же теперь быть?

А надо сказать, самым тяжёлым человеком у нас был Завалий. Не по характеру тяжёлый — по весу.

Он и говорит:

— Сейчас я на сосну полезу. Прыгну оттуда на тюк, он подо мной и обломится. Вернее, не тюк, а ветка. И тюк освободится и упадёт на землю.

— Но ведь и ты упадёшь! — говорим мы.

— А мы сейчас нагребём побольше снега...

Нагребли мы побольше снега, и Завалий полез на сосну. Лазал-то он, конечно, не так, как Максимович, — потому что был тяжёлый. Но всё-таки долез. Оттолкнулся от дерева и прыгнул на тюк. И ветка, конечно, крякнула и обломилась. И тюк, а потом Завалий полетели вниз. Даже послед-

нюю струю не пришлось перерезать — сама оборвалась.

Вытащили мы Завалия, а потом тюк из снега. Надели лыжи. Уложили в вещмешки еду и патроны и пошли по своим солдатским делам. Впереди, как всегда, Кульков, за ним со своей рацией Луга, за Лугой — наш командир Максимович, а за командиром мы тяжёлый Завалий и я.

НУ, а теперь скажите: прав ли был старшина Синьков, когда говорил нам, что настоящий солдат должен быть обязательно находчивым, умелым? И разве может не быть чуточку хитрым настоящий солдат?

ВОЗДУШНАЯ ПОДУШКА

Чем отличается лето от зимы? Тем, что зимой у человека много карманов, а к лету их становится всё меньше и меньше.

Летом я начал терять ключи от квартиры. Как неделя, так ключ. Хоть на улицу не выходи.

Папа у меня человек спокойный. Но он почти не бывает дома. Он механик на тепловозе, водит дальние пассажирские поезда. А мама — беспокойная.

Мама работает продавцом в магазине фототоваров. Ей приходится с одиннадцати до восьми улыбаться покупателям и каждому отвечать, что цветной плёнки нет и что в этом виновата не торговая сеть, а промышленность. Покупатели ругаются, а она с ними вежливо. Вот вечером она и приходит такая. Там она сдерживается, а дома уже не может сдерживаться. Да тут ещё ключи эти.

— Оболтус! — кричала мама, когда я посеял четвёртый ключ. — Ты что, специально надо мной издеваешься? Мне уже стыдно в мастерскую ходить на тебя ключи заказывать!

Когда она покричит, ей становится легче. Она вообще-то отходчивая. И добрая.

Мама покричала, и мы сели ужинать.

После ужина мама достала новый ключ, привязала его на верёвку и надела мне верёвку на шею. Как какому-нибудь первоклашке.

— Будешь теперь так носить! — закричала она. — И не смей снимать!

И ещё подзатыльник мне в дополнение отвесила. Но не сильный. Просто для порядка.

А через три дня я снова потерял ключ. Наверное, когда в чехарду играли, потерял. Прыгали друг через друга, и потерял. И верёвка такая заметная была — белая, перекрученная. Мы с моим другом Витькой весь двор облазили — улыбнулся мой ключик.

Во дворе у нас компрессор работает. Стоит на четырёх автомобильных колёсах и тархтит. А на стене дома рабочий

в противогазе сидит. На такой доске специальной. От компрессора тянется к рабочему шланг. Рабочий чистит стену пескоструйкой — сжатым воздухом с песком.

Пылища во дворе! Грохот! В такой обстановке, ясное дело, что хочешь потерять можно.

— Наверное, у тебя верёвка лопнула! — орёт Витька. — Зацепилась за что-нибудь и лопнула! Ты не чувствовал, чтобы тебя за шею дёргало?!

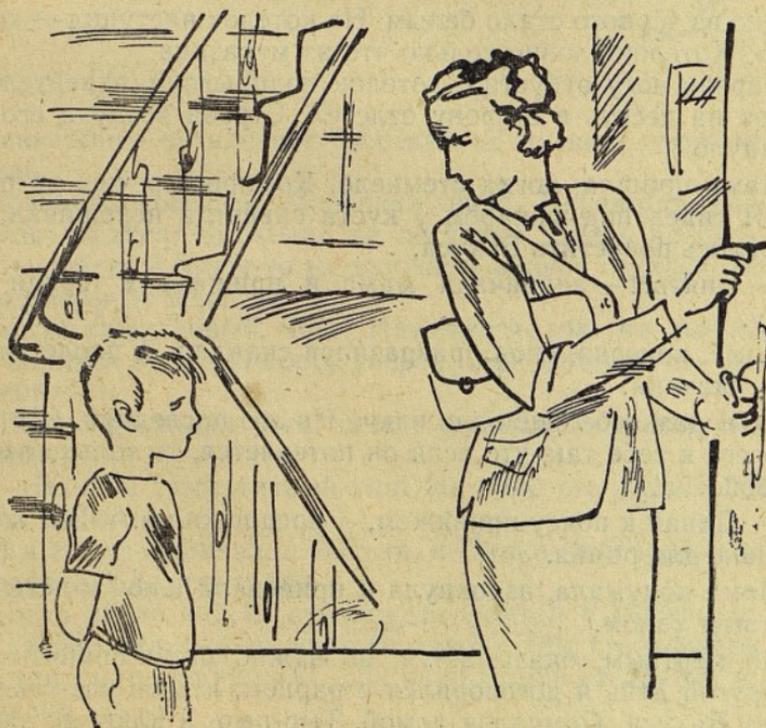
— Нет, не чувствовал! — ору я. — Он соскочил просто! Петля очень большая была!

— Тебе бы вон какую верёвочку! — орёт Витька и показывает на стену, где сидит рабочий. Доска у него действительно на отличных верёвках подвешена. Толщиной в руку. — И не разорвётся! — орёт Витька. — И если потеряешь, сразу найдём!

Мы с Витькой ещё поискали и уселись на ящик с песком. Рабочий сдёрнул с лица резиновую маску, спустился со стены и тоже рядом сел. А компрессор знай себе тарыхтит.

Сидит рабочий и курит. Упёрся локтём в колено и маску в руке покачивает. Лицо у него красное и волосы слиплись. Курит и сквозь зубы сплёвывает. Совсем молодой рабочий, как старшеклассник всё равно. И глаза весёлые.

Я ему кричу:

— А пескоструйкой можно что хочешь чистить?!

Он кричит:

— Что хочешь! Могу тебя с песочком продрать! Раздевайся давай!

— А Бахуса можете?! — ору я.

У нас дома на книжном шкафу бронзовый Бахус стоит — бог вина и веселья. Уже раздетый. И с курчавой бородой. Хохочет во всё горло. И весь потемнел от старости.

— Кого? — нагнулся ко мне парень.

— Ну Бахуса! Бога вина и веселья!

— Запросто! — кричит парень. — Богов обязательно время от времени нужно чистить. Чтобы не зазнавались!

Я дёрнулся было бежать за Бахусом и сразу про ключ вспомнил. Скис и обратно сел.

— Я котелок принесу! Котелок! — завопил Витька. — У нас во котелок! Закоптелый весь! Папа с ним на рыбалку ездит!

— А я — сковородку! — встряла Нинка Чеботарёва из двести восемнадцатой квартиры. — Можно сковородку?!

Притащили они котелок и сковородку. Парень натянул противогаз с круглыми глазницами и машет рукой, чтобы мы подальше отошли. Открыл краник на конце шланга. Струя воздуха в землю ударила. Он на дно сковородки её навёл.

«Шух-шух! Шух-шух!»

Дно из чёрного стало белым. На котелок наступил — «шух-шух!». Котелок словно только что из магазина.

Парень ногу отпустил, котелок подпрыгнул, завертелся и метров на десять в сторону отлетел. Струёй воздуха его такшибануло.

Мама пришла, когда стемнело. Компрессор уже не работал. Я сидел под фонарём у куста сирени и переживал, что не удалось почистить Бахуса.

— Опять?! — закричала мама и прижала к груди сумочку.

Дома, конечно, снова разразился скандал. А после ужина мама сказала:

— Я дам тебе ещё один ключ. Но это последний. И я привяжу его к тебе так, что если он потеряется, то только вместе с тобой.

— Давай к поясу привяжем, — предложил я. — Вот к этой петельке для ремня.

Мама подумала, вздохнула и привязала ключ к петельке. Мёртвым узлом.

Но мёртвым, оказывается, не нужно было привязывать. На другой день я договорился с парнем, что он всё-таки почистит Бахуса. Помчался домой. Тыр-пыр, а ключ до замоч-

ной скважины не достаёт. Верёвка не пускает. Хоть штаны снимай.

Позвонил соседям. Попросил нож. Перерезал верёвку. Схватил Бахуса. Выскочил на лестницу. Дверь ногой — бац! Она — щёлк! А ключ-то на книжном шкафу остался. Вместе с хвостиком от верёвки.

Бахус тяжеленный, чёрт. Навалился мне на плечо. Чашей с вином в самую кость упёрся. Еле дотащил его до компрессора.

Парень погладил бога вина и веселья по голому животу и кричит:

— Вполне симпатичный тип! Не надо его чистить! Пусть таким ходит!

И я его уговаривал, и Витька, и Нинка Чеботарёва, и другие ребята. Еле уговорили.

Бахус после чистки стал будто фонтан в Петергофе. Засиял, точно отлитый из чистого золота. Мы его посреди двора установили. На ящиках. Три ящика один на другой, а сверху Бахус.

Со всех соседних дворов мальчишки и девчонки понабежали. И взрослые останавливались, головами качали. Только из-за компрессора не слышно было, что они говорили. Восхищались, наверно.

Вечером вернулась с работы мама. Она ахнула и треснула меня сумочкой по голове.

— Чего ты? — прикрылся я локтём. — Я же его не потерял. Дома случайно оставил.

— А это что такое? — ткнула мама сумочкой в Бахуса.

Золотой Бахус стоял рядом со мной на скамейке и заливался от хохота. Ему было очень весело, дураку.

— Это? — буркнул я. — Бахус это.

— И что же ты с ним сделал?

— Почистил, — сказал я. — Не видишь разве?

Из-за Бахуса скандал разразился почище, чем из-за пяти ключей. Мама водрузила золотого бога обратно на книжный шкаф и долго смотрела на него. Потом она шмыгнула носом и отпустила мне подзатыльник. И не для порядка. Настоящий.

— Такую вещь загробить! — расшумелась мама. — Вот погоди, отец приедет, он тебе пропишет!

Но отец приехал и, конечно, ничего мне не прописал. Он запрятал Бахуса на антресоли и сказал:

— Ничего, полежит годик-два, снова потемнеет. А пескоструйкой металлические детали чистить — это мысль. Ржавчину очищать. А? Сколько у нас в депо на это труда уходит. Вручную ведь ржавчину отскребают.

— Отец называется! — накинулась на него мама. — Воспитатель! Вместо того чтобы сказать ему что-нибудь... Ты знаешь, сколько он ключей посеял? Что же мне теперь к нему ключ на цепь приковывать?

— Больше я не потеряю, — буркнул я. — Я придумал.

Я действительно придумал. Очень даже просто. Мама, чтобы ключ не соскакивал, сделала верёвку совсем короткой. Как ошейник. Это, конечно, хорошо, что он не соскакивал. Но чтобы открыть дверь, я лез в скважину носом. Иначе ключ не дотягивался. Вот я и придумал. Приспособил вместо верёвки резинку. И коротко, и не соскакивает, и скважину обнюхивать не нужно.

— Что ты ещё придумал, изобретатель? — закричала мама.

— Вот, — оттянул я резинку. — Пожалуйста.

Папа покрутил у себя надо лбом растопыренными пальцами и сказал, что во мне что-то есть. А мама махнула на нас рукой и ушла на кухню.

— Очень нервная у неё работа, — вздохнул папа. — Ка-

ждому улыбнись, каждому объясни. Да ещё цветной плёнки никогда летом не бывает. Я бы и дня не выдержал.

— А у тебя работа не нервная? — спросил я.

— У меня что, — ответил он. — Вот пескоструйка против коррозии — это да! Наверное, всё же самая нервная работа у изобретателей, а?

Он потрепал меня по голове.

— Ничего, ничего. Всё правильно.

Вечером к нам пришёл папин товарищ дядя Петя. Он тоже очень спокойный и тоже водит пассажирские поезда. У дяди Пети светлые волосы и чёрная куртка. Сзади куртка кожаная. Вернее, это такой материал, под кожу. А спереди вязаная, как всё равно свитер.

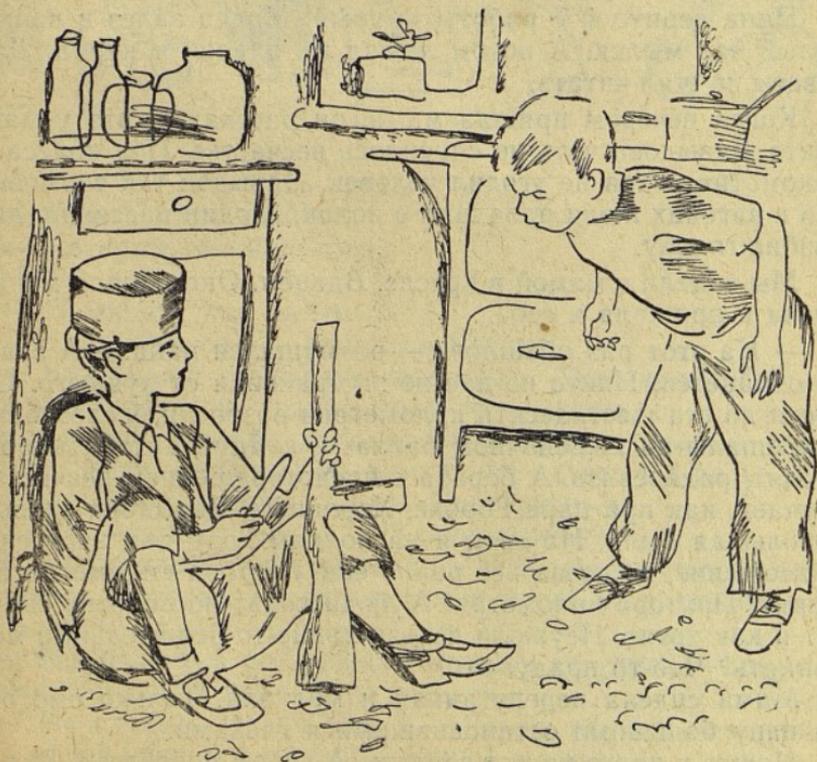
Папа, конечно, сразу дяде Пете про пескоструйку рассказал и про ржавчину.

— Скажи ты! — устался на меня дядя Петя. — И как же ты докумекал до такого?

Папа поднял палец и говорит:

— Ему сам бог помог.

Ну дядя Петя и хохотал, когда узнал про Бахуса. И потребовал, чтобы ему немедленно показали, как теперь выгля-

дит верховный владыка вина и веселья. Папа ему не хотел показывать. Но дядя Петя снял свою куртку из разных половинок и сам полез на антресоли. Спустил Бахуса и снова хотел.

— Ты потому такой весёлый, — сказала ему мама, — что ещё не женился. Вот женишься, у тебя быстро веселья поубавится. Особенно, когда такие оболтусы пойдут, как наш.

— Брось ты! — воскликнул дядя Петя. — У него же изобретательская жилка.

Он завернул Бахуса в газету и уташил домой. Сказал, что нехорошо держать на антресолях такое произведение искусства.

— У меня он живенько потемнеет, — пообещал дядя Петя.

Про то, что во мне есть изобретательская жилка, я, естественно, поделился с Витькой. Но Витька только фыркнул. И мгновенно доложил о моей жилке Нине Чеботарёвой.

Нинка Чеботарёва обошла вокруг меня два раза, как вокруг столба, и сказала:

— Любопытно. А ну-ка, изобретатель, поднапряги свою жилку, изобрети-ка нам что-нибудь.

Но я ничего не смог им изобрести. Ни в тот день, ни на следующий. Ходил и мучился: чего бы такое изобрести? И ничего не мог изобрести.

Папа вернулся с работы хмурый. Молча залез в ванну и целый час мылся. А потом лежал на диване и курил. Даже газеты не стал читать.

Когда вечером пришла мама, он рассказал, что у машиниста Давыдова чуть не случилось несчастье. Под колёса его локомотива едва не угодил человек. Давыдов так тормознул, что в вагонах люди попадали с полок. А один пассажир даже разбил голову.

Мы сидели с мамой в кресле. Вдвоём. Она обняла меня за плечи и прижала к себе.

— На этот раз обошлось, — возмущался папа. — А завтра не обойдётся. Никто из нас не застрахован от худшего. Скорости до ста шестидесяти километров возросли, железобетонные шпалы на щебёночном балласте кладут, автоблокировку вводят, радиосвязь. А борьба с предотвращением несчастных случаев, как при царе Горохе. Хорошо, у Давыдова скорость небольшая была. Но если я на полном ходу дам экстренное торможение, то поезд всё равно ещё полтора километра пробежит! Полтора километра! А люди ходят по полотну где хотят и как хотят. Неужели нельзя какие-то решительные меры принять? Что-то придумать?

Мама сидела перепуганная и молчала. Только смотрела на папу большими остановившимися глазами.

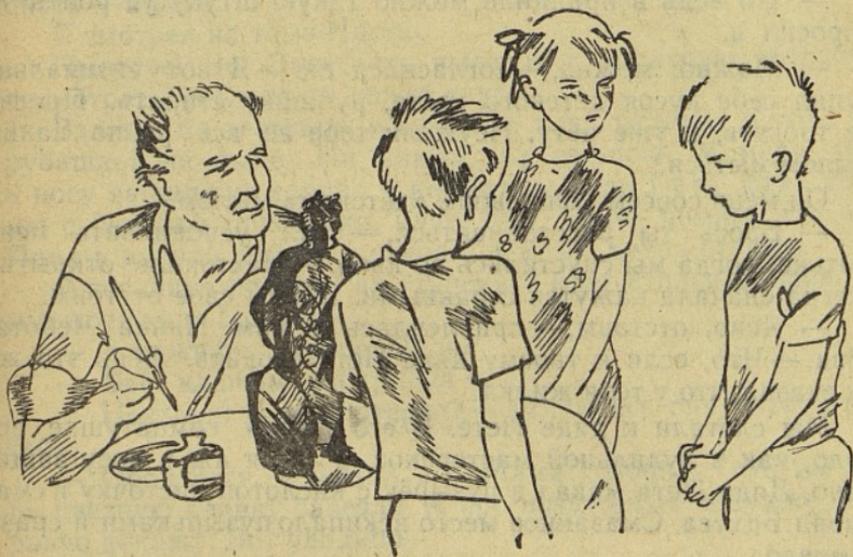
Ночью-я долго-не-мог заснуть. А утром побежал к Витьке.

Витька выстругивал из доски автомат. Вся кухня, белела у него стружками и опилками.

— Ты-ды-ды! — встретил меня Витька автоматной очередью.

Автомат он упёр в плечо. А на голове у него сияла каска. Я даже не сразу догадался, что это не каска, а котелок, в котором Витькин отец варит на рыбалке уху.

— Погоди, погоди, — пробормотал я. — Это тот самый котелок?

— Какой тот самый?

— Который чистили тогда.

— Ну.

— Помнишь, как он отлетел?

— Куда отлетел? — удивился Витька.

— Воздушной струёй его шибануло. Помнишь? Погоди, погоди. Нажимаешь, значит, кран экстренного торможения и одновременно впереди локомотива ударяют сильные струи воздуха. Очень сильные. Веером. И всё сдувают с рельс. Понимаешь? Корову можно сдуть. Понимаешь?

— Не, — сказал Витька. — Какую корову?

Я ему рассказал про машиниста Давыдова и про полтора километра, которые пробегает поезд после экстренного торможения.

— Не, человека всё равно с рельсов не сдуть, — покачал головой Витька. — Это тебе не котелок.

— Не сдуть? — разошёлся я. — Бомба на войне взрывалась, людей вон как воздушной волной швыряло!

— Так то бомбой, — неуверенно проговорил Витька. — А вообще-то, знаешь, может, и сдует. Даже корабли сейчас на воздушных подушках делают.

Мы помчались ко мне домой. Папа стирал в ванной свою нейлоновую рубашку. Он рассеянно выслушал меня и сказал:

— Очень оригинально. Только вы бы лучше своими делами занимались. Ворота там футбольные усовершенствовали или ещё что.

— Но ведь в принципе можно такую штуку устроить? — спросил я.

— Можно, можно, — согласился он. — Я вот специально купил себе кусок детского мыла, рубашку стирать. Просил не трогать, и уже нету. Неужели тебе не всё равно, каким мылом мыться?

Он меня совсем убил своим «детским» мылом.

— Брось ты расстраиваться, — стал успокаивать меня Витька, когда мы спустились во двор. — Настоящие открытия всегда сначала кажутся странными. Но мы своё отстоим.

— Ясно, отстоим, — приклеилась к нам Нинка Чеботарёва. — Что, если к твоему дяде Пете сходить? Ведь это же он сказал, что у тебя жилка.

Мы слетали к дяде Пете. В его тесной комнатухе воляло, как в лудильной мастерской. У меня аж в носу защипало. Дядя Петя макал в пузырёк с кислотой кисточку и смазывал Бахуса. Смазанное место вскипало пузырьками и сразу темнело.

— Зачем же воздушную подушку? — сказал дядя Петя, морщась от противного запаха. — Лучше обычные подушки спереди привязывать. Или перину. И мягко и просто.

И ещё он сказал, что кое-кому неплохо бы для начала освоить азы физики.

На улице Нинка хмыкнула:

— Хы, я думала, у тебя и вправду жилка.

Я ей ничего не ответил. Разве дело в жилке? Или в азах физики? Я был уверен, что моим устройством можно спасти человека. Можно! Только между нами и взрослыми есть какая-то невидимая подушка. Не хотят понимать нас взрослые. Как хиханьки-хаханьки, так понимают. А как по-серьёзному — нет. Ведь не сказал же дядя Петя, почему нельзя устроить такую штуку. И папа не сказал. Значит, идея правильная! Выскочил на рельсы. Тут на полном ходу поезд. Ты растерялся. Всё! Крышка! А тебя воздухом шурух, и под откос.

— Нужно попробовать, — сказал я. — Опыт поставить. Чтобы у нас доказательства были.

— Пошли на железную дорогу, — съязвила Нинка. — Ты ляжешь на рельсы, а мы тебя будем сдувать.

Я ей сказал, что не люблю болтунов. Раз по-серьезному, значит, по-серьезному. Нинка соорудила презрительную ухмылочку и утащила Витьку есть мороженое. А я отправился домой.

Компрессор со двора уже увезли. Под деревянной горкой, с которой мы катаемся зимой, секретничали две девчонки. Дворничиха тётя Настя трясла у мусорных баков половики.

Вышел папа с чемоданчиком и помахал мне рукой. Он опять — в рейс.

Я смотрел на тётю Настю.

Пылесос! Во! Запустить пылесос в обратную сторону и посмотреть, сколько он может сдуть.

Взлетев по лестнице, я сунул за ключом руку. Ключа под рубашкой не было. Ни ключа, ни резинки. У меня даже в носу защипало, словно в комнате у дяди Пети. Ведь когда мы с Витькой прибегали, ключ был. Точно помню, что был. Папа в ванной рубашку стирал, и я сам дверь открыл.

Я тоскливо посидел на ступеньке и спустился во двор. Ко мне подплыла Нинка.

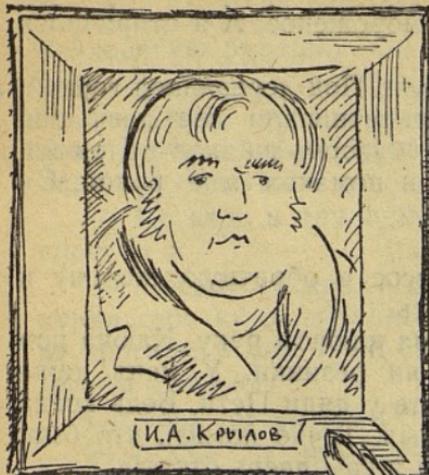
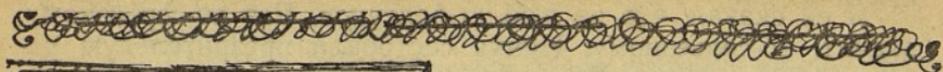
— Как жизнь, изобретатель?

— Бьёт ключом, — буркнул я.

— Неужели опять потерял? — удивилась она. — Ну будет тебе.

— Обойдётся, — сказал я. — Мама говорила, что им вчера цветную плёнку завезли. А про воздушную подушку я всё равно докажу. Вот увидишь.

И.А. Крылов

Крыловские
строчки —

200 лет.

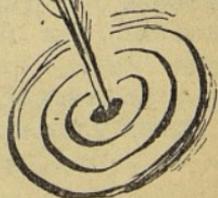
Не устарели?
Нет!

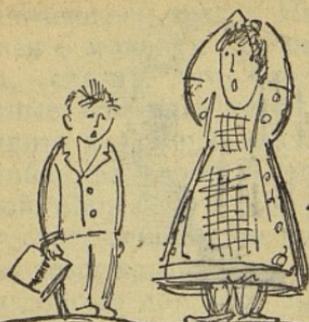

И слабого обидеть
не могли!

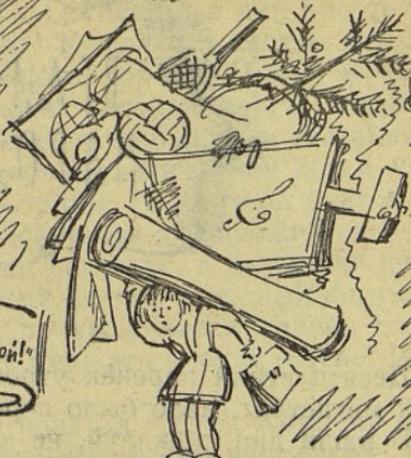

Позавтракать было совсем уж собралась,
да призадумалась...

Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдём скорей со мной!»

И, наконец, она, пыхтя, насилиу дышит,
А всё ни от кого похваля себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да толку в этом нет.

Вот, пуще прежнего, пошли у них разборки
И споры...

$$\begin{aligned} 8 - 4 &= 12 : 3 = \\ &= 1 + 3 = 2 \times 2 \\ &= 16. \end{aligned}$$

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.

Десятилетний паренёк утром уходил на службу в тверской магистрат, надо было пером зарабатывать на хлеб...

В наши дни, пожалуй, не каждый разгадает старую, на первый взгляд страшноватую загадку: «Голову отрежу, сердце выну, дам пить, станет говорить». А в старину легко угадывал любой: «Да это же — гусиное перо!..» Очиняли перо ножиком, который и посейчас называется по-старому перочинным, вынимали сердцевину, давали пить чернила.

В тверском магистрате повытчик (была такая канцелярская должность), когда не писал, держал перо за ухом. Сурово поглядывал он на десятилетнего подканцеляриста — сына покойного Андрея Прохоровича Крылова, требуя усердия и послушания. По мнению повытчика, подканцелярист увлекался всякими пустяками — читал книги, играл на скрипке. Мало того, в доме одного из тверских «милостивцев» паренька научили болтать по-французски. Он читал наизусть стихи какого-то Лафонтена, а мать потакала любимому сыну, даже радовалась, что он много читает.

Однажды повытчик куда-то ушёл. Как только его измазанное чернилами ухо скрылось за дверью, подканцелярист отодвинул надоевшие казённые бумаги. Он задумал перевести с французского басню про господина Вброна и лукавую Лисицу. Ему хотелось, чтобы и на русском языке басня звучала задорно и весело, как у Лафонтена. Гусиное перо написало несколько строк и остановилось — нелегко было пареньку поймать рифму. Может быть, рифма и нашлась бы, но неожиданно нагрянул повытчик. Он отнял листок, смял, разорвал, затопал ногами и так заорал, что казалось, вот-вот рухнут стены магистрата. Первая попытка Ивана Крылова стать баснописцем кончилась весьма печально.

Подростком Крылов перебрался в Петербург, стал служить в казённой палате. Сутки в то время, как и теперь, на-

считывали всего лишь двадцать четыре часа, но Крылов успевал выполнять служебные обязанности, много читал, бывал в театре, вечерами, прихватывая ночь, сочинял для сцены.

Знаменитый трагик Иван Афанасьевич Дмитриевский заботился о молодом драматурге. Отсоветовал ему писать трагедии, сказал, что призвание Крылова — писать весёлые, смешные комедии, карать смехом пороки. Помог Крылову поступить в Горную экспедицию, которой ведал вельможа Соймонов, ведавший и дирекцией петербургских театров.

Соймонов был о себе высокого мнения, — он когда-то состоял статс-секретарём императрицы. Недолго он благоволил к молодому драматургу. Крылов чинов в прихожих не искал, всего дороже для него был чин человека, а вельможе нужен был покорный слуга, бесстыдный льстец, усердный подхалим. С неугодными ему вельможа придерживался правил старой чёрной книги: не давать ходу! Держать в чёрном теле! Погубить при случае!

Самодовольный вельможа полагал, что за Крылова некому заступиться. Но за драматурга-Крылова заступился Крылов-сатирик. Он обратился к Соймонову с письмом. Из канцелярских бумаг позаимствовал почтительные слова: «осмеливаюсь покорнейше просить», «изволили сказать», «есть на то воля ваша»... В письме сатирика они получили другой смысл. Обращение «ваше превосходительство» в письме прозвучало насмешкой.

Крылов писал Соймонову: «...простите мне, что я, имея благородную душу, осмеливаюсь покорнейше просить, чтобы удостоили открыть мне причину, которая привлекает на меня ваш гнев, толико бедственный для моих драматических сочинений». Таким тоном говорить с вельможей никогда не осмеливался никто из его подчинённых.

Сатирик писал вельможе: «Правда, я нередко смеюсь в трагедиях и зеваю иногда в комедиях, но видя глупое, ваше превосходительство, можно ли не смеяться или не зевнуть?» Грамматика требовала обращение отделять запятыми, в письме это требование было выполнено. Однако его превосходительство пришло в ярость. Если — глупое, значит, сказано о нём, никакими запятыми глупость от его превосходительства не отделишь!

Письмо Крылова переписывали, со смехом читали, дивились смелости молодого драматурга.

Крылову пришлось проститься с театром. Но молодой автор не унывал, его перо не бездействовало. Поздней осенью 1788 года он поступил на сказочную должность — стал секретарём известного арабского волшебника и философа Маликульмулька. Жил волшебник в Сицилии под вулканом. или, как тогда говорили, под волканом, было ему тринадцать

тысяч лет. Через руки секретаря проходила остроумная переписка подземных, водяных и воздушных духов. Они при желании могли становиться невидимками. Свободно проникали они в раззолоченные чертоги, в судебные палаты, в любой дом. О своих встречах в большом городе, под которым подразумевался Петербург, писали волшебнику Маликульмульку.

Надо открыть секрет — в действительности ни духи, ни волшебник Маликульмульк не существовали, сошли они с кончика крыловского пера. «Почта духов» была по-крыловски смелой, остроумной и, конечно, господам Пустолобу, Ветродуму, Промоту и другим важным особам она казалась зловредной.

Журнал «Почта духов» внезапно прекратился — для кого-то он оказался ненавистным. Крылов не упал духом. С помощью артиста Дмитревского и других открыл типографию «Крылов с товарищи», стал издавать журнал «Зритель». Крыловское перо стало ещё острее. Сатирик касался самых запретных тем — о крепостниках-помещиках, царедворцах и монархах.

По приказу императрицы полиция сделала обыск в типографии «Крылова с товарищи». А дерзкое перо Крылова писало новые сатирические произведения. По силе обличения в восемнадцатом веке не было им равных.

Русская императрица людей, говоривших правду, ненавидела. Писателя Радищева в кандалах отправила в Илимский острог, сатирика Новикова, издателя опасных книг, приказала запрятать в сыром каземате Шлиссельбургской крепости-тюрьмы. Приказала книгопродавцам, торговавшим этими книгами, вырвать ноздри, бить кнутом и отправить на каторжные работы.

Ивана Крылова императрица пригласила в Зимний дворец, полагая, что сможет подкупить молодого автора и тогда его талантливое перо будет восхвалять её великодушие и щедрость. У Екатерины Второй были слагатели од — карманные поэты. Они славили мудрость, могущество и человеколюбие императрицы. Екатерина Вторая боялась стать рябой и привила оспу. Стихотворцы воспели в стихах этот подвиг государыни императрицы, на каждый чих готовили стих. Екатерина Вторая жаловала угодившим ей поэтам поместья, чины, табакерки. При дворе в моде был нюхательный табак, но табакерки, жалуемые в награду, были наполнены золотыми монетами.

Крылов слышал милостивые слова и думал: если бы народная кровь, пролитая императрицей, хлынула во дворец, возник бы потоп. Внимал похвальбе покровительницы литературы, а в ушах отдавался треск барабанов на площади и в

глазах возникала страшная картина — по приказу Екатерины Второй палачи рубили и бросали в огонь вредные книги.

Золотую табакерку Крылову не поднесли. Наградой сатирику был увесистый замок на двери типографии «Крылов с товарищи». Поэт не продал своего пера, он предпочёл скрыться из Петербурга подальше от глаз немки Софии Августы Фредерики Ангальт Цербстской, царствовавшей в России под именем Екатерины Второй. Бывший секретарь волшебника Маликульмулька Иван Крылов переделал своё имя на чародейское «Нави Волырк», читать его надо было по-восточному справа налево, и только в таком виде иногда появлялась его подпись в печати.

Тяжёлыми были годы скитаний опального автора. После долгих странствий Крылов нашёл приют в Казацком у князя Голицына, который был в немилости у нового императора. Там с негодованием говорили: Павел Первый хочет онемецить Россию, русские войска он переделывает на прусский

лад, запрещено слово «отечество». Говорили, что Павла в детстве нянька уронила, и приводили свидетельство Семёна Порошина, когда-то служившего воспитателем во дворце: ему государыня сказывала, дескать, Павел один раз из колыбели выпал, так что никто того не слышал. Пробудились поутру, великого князя нет в колыбели, посмотрели — он лежит на полу и очень крепко опочивает.

Тяжело было изгнаннику Крылову в Казацком — впустую уходили лучшие годы. С горькой досадой глядел поэт на старый пруд, заволоченный тиной — не такую ли судьбу готовят монархи его дарованию? В Казацком мелкие происшествия казались большими событиями. У Маши Сумароковой, ученицы Крылова, улетел ручной воробей, об этом говорили несколько недель. А потом он вернулся, об этом говорили несколько месяцев.

Но в Казацком произошло настоящее большое событие — драматург написал шуто-трагедию «Трумф», высмеяв тупого немецкого принца, необычайно похожего на императорских любимцев и на самого Павла. Крылов был не только автором, но и режиссером-постановщиком и исполнителем главной роли...

Коверкая русский язык, Трумф грозил:

**Мольши! на корот стесь не путет шиф ни тушка:
Сейшас пошёл фелеть на фсах стреляй из пушка.**

В десятках и сотнях рукописных копий крамольная шуто-трагедия быстро разошлась по Петербургу, Киеву и Москве. Автор знал: если донесут императору, расправа будет жестокой. Каждый день можно было ждать — прискачет голштинец в треугольной шляпе и заорёт на автора словами Трумфа:

**Ты много финофат! Марш, марш, мой каспатин!
Твой тотшас путет сут и палощка на спин!**

Как-то вечером раздался стук копыт — в Казацкое приискал запылённый вестник с новостью из Петербурга: Павел убит заговорщиками в Михайловском замке.

Вскоре князь Голицын был назначен на пост военного губернатора. Уезжая в Ригу, он пригласил своего частного секретаря Ивана Андреевича. Недолго пробыл Крылов в Риге правителем канцелярии — Голицын был в милости у нового царя, а сатирик никогда на царскую милость не рассчитывал.

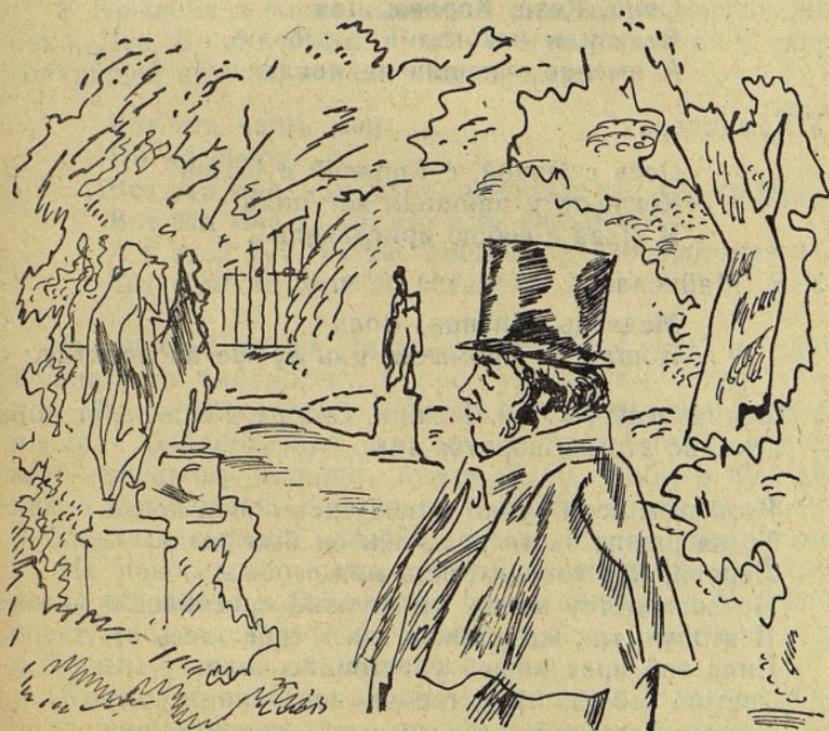
С осени 1803 года Иван Андреевич окончательно обосновался в Петербурге. Старуха Ночь, женщина лет под сотню, сидевшая на серебряной рогатой луне, заметила: долго горит свеча в комнате драматурга. Перо драматурга готовило богатый подарок театру: две комедии и волшебно-комическую оперу.

«Модная лавка», «Урок дочкам» и «Илья Богатырь» сделали Ивана Андреевича знаменитым драматургом. И зрители, и артисты, и театральная дирекция ждали от него новых блестящих комедий. А Крылов готовил свою первую книгу басен.

Чтобы обмануть «придирчивую дуру царскую цензуру», баснописец брал старые темы у Эзопа и Лафонтена, знакомые читателям по многочисленным переводам. Под пером Крылова все эти басни становились подлинно русскими, народными, разлетались острыми калёными стрелами пословиц.

С ведома Ивана Андреевича стали слагаться удивительные басни о его чудачествах. Любит он хорошо покушать, а читает так — любо слушать! Действительно, он был замечательным чтецом — да и всё, за что он брался, получалось у Ивана Андреевича прекрасно. Князья и княгини, графы и графини почтительно стали зазывать к себе Ивана Андреевича, никак не полагая, что мудрый баснописец идёт к ним в салоны для того, чтобы басни его пошли в народ.

В феврале 1809 года вышла в свет книжка — пятьдесят четыре страницы, двадцать три басни: «Ворона и Лисица», «Дуб и Трость», «Музыканты», «Два Голубя», «Лягушка и Вол», «Ларчик» (первая оригинальная басня, она раскрывала секрет баснописца), «Мор Зверей», «Петух и Жемчужное

Зерно», «Невеста» (в дальнейшем она стала именоваться «Разборчивой невестой»), «Волк и Ягнёнок», «Парнас» (из-за этой басни цензор Тимковский чуть не на месяц задержал книжку и разрешил печатать лишь после того, как была выкинута вступительная часть), «Лев и Комар», «Стрекоза и Муравей» (у баснописца Хемницера Муравей лишь в поученье сказал свои гневные слова, «а сам на прокормление из жалости ей хлеба дал»), «Оракул», «Лев на ловле», «Роща и Огонь», «Лягушки, просящие Царя», «Человек и Лев», «Старик и трое молодых», «Орёл и Куры», «Муха и дорожные», «Обезьяны» и, наконец, «Пустынник и Медведь» (Крылов часто писал о дураках, вызывая раздражение или, мягко говоря, неудовольствие превосходителей и сиятельств, справедливо полагавших, что баснописец намекает на них).

Всего Иван Андреевич Крылов написал свыше двухсот басен, у каждой своя история. Хоть коротко надо рассказать об одной из них. Вот, например, «Лев на ловле», из первой книги басен. Великий сатирик часто высмеивал «царя зверей». Достаточно сказать, что на двести басен приходится около двух десятков Львов и лишь один Заяц.

О Льве на ловле до Крылова писали Третьяковский, Сумароков, Хемницер, Майков, Державин и другие поэты.

У Сумарокова:

Овца, Коза, Корова, Лев
Вступили некогда в торговлю,
А именно — пошли на ловлю.

У Хемницера:

Осёл с Овцой, с Коровай и Козой
Когда-то в пайщики вступили
И Льва с собою пригласили...

У В. Майкова:

Медведь, Лисица, Волк
Пошли на промысел иль лучше на ловитву.

У Третьяковского Лев, Телица, Овца и Коза делят добычу — «иск», об этом говорится так:

Четверым всем купно в пищу иск попал когда,
То на равны части разделён он был тогда.
Первая, Лев говорит, есть моя особно:
Превосходству моему та должна способно.
И вторую так же должен взять себе здесь я:
Сила той пред вашей удостоилась моя.
Третью себе за труд требую достойно:
Даром Льву себя трудить очень непристойно.

**Кто ж себе захочет получить четверту часть,
Тот в мою немилость может бедственно попасть.**

У Крылова в басне выведены клыкастые персонажи: Собака, Лев, Волк и Лиса. Лев — «когти разминая и озираючи товарищей кругом, делёж располагает»:

**Вот эта часть моя
По договору,
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору,
Вот эта мне за то, что всех сильнее я,
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.**

В конце 1811 года Иван Андреевич поступил на службу в Публичную библиотеку и прослужил там почти тридцать лет. Много было сложено басен о баснословной лени баснописца и библиотекаря. Крылов не протестовал, а поддакивал — великому сатирику нужно было, чтобы о нём думали, как о чудаковатом толстяке. А за это время русский фонд библиотеки вырос с четырёх книг до сорока тысяч томов!

На новоселье у знаменитого книготорговца Смирдина, когда его лавка и библиотека переселились на Невский проспект, собрались друзья книги — лучшие писатели и поэты, и первым назвали они великого Крылова.

Крылов не кичился своими знаниями и талантом. Он принадлежал к тем людям, которые уверенно делают своё дело

и думают свою думу без шума. Друзья его любили, недруги боялись, зная, что крыловское перо — острей клинка.

Однажды князь Вяземский с высоты княжеского величия изрёк:

— Любопытно, что все знаменитые баснописцы — Иваны, а именно: Иван Хемницер, Иван Дмитриев, Жан Лафонтен...

Иван Крылов, не упомянутый князем, ответил басней «Любопытный». Строка: «Слона-то я и не приметил» — стала пословицей.

Крылов был своим человеком в Академии художеств, интересовался не только графикой и живописью, но и архитектурой, вникал в механику, любил математику. Пушкин знал об этом, он часто встречался с Крыловым. В заметках Пушкина есть запись: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сживал, висела большая картина в тяжёлой раме. Кто-то дал ему заметить, что гвоздь, на котором она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его.

— Нет, — отвечал Крылов, — угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову.

Если требовалось, перо Крылова могло сделать неопровержимые подсчёты и точно указать, где пройдёт «косвенная линия».

У Крылова был друг — Николай Иванович Гнедич, его сослуживец, хранитель древних рукописей в Публичной библиотеке. Жил он в одном доме с Крыловым, на одной лестнице, лишь этажом выше. Николай Иванович часто упрекал Крылова в божественной лени. Крылов, отшучиваясь, просил:

— Побейте меня за лень!

Как-то в доме директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина Крылов сказал:

— Ровно два года назад пообещал я Николаю Ивановичу выучить греческий язык, проверьте, что у меня получилось.

В ответ раздался общий смех. Николай Иванович обиделся — разве можно столь шутливо относиться к серьёзному делу! Да он, Гнедич, потратил полжизни на изучение языка Гомера!

Крылова в шутку спросили: а что он всё-таки знает? Иван Андреевич ответил, что ему известна дельта, четвёртая буква греческого алфавита, её рисуют и пишут в виде треугольника, дельтой называют устье рек.

— Правильно! — с улыбкой согласились присутствовавшие.

— Мне известно, что первая буква — альфа, последняя — омега. Есть выражение: от альфы до омеги, что означает: от начала до конца, — продолжал Иван Андреевич.

Всем было весело, лишь Крылов сохранял серьезность.

Оленин предложил Ивану Андреевичу перевести несколько строк. К общему удивлению, Крылов перевёл без запинки. Гнедич, чтобы кончить шутку, предложил перевести большой отрывок из «Илиады». Крылов успешно перевёл. Оказалось, он за два года один, без чьей-либо помощи, выучил греческий язык. Гнедич признал себя побеждённым и написал своему соседу «ленивцу» восторженные поздравительные стихи. Особенно был доволен крыловской победой Александр Сергеевич Пушкин: в пятьдесят лет самостоятельно выучить греческий язык — подвиг! — восхищался великий поэт.

Иван Андреевич Крылов — первый народный писатель. Памятник Крылову — первый памятник писателю в России — был сооружён на деньги, собранные народом. Ранее памятники сооружались лишь царским особам, вельможам и полководцам.

Николай Первый приказал установить памятник в Летнем саду, куда вход простонародью был строго запрещён, — находился Летний сад в ведении дворцовой конторы. Избранная «чистая публика» вела себя безобразно, как басенная персона, хрюкавшая под дубом. У Ворона, читавшего нравоученье Свинье, были обломаны ноги, у Медведя исчез смычок. Особенно не повезло обезьянам — у Проказницы-Мартышки были сорваны струны со скрипки, у Мартышки, которая слаба глазами стала, исчезли очки...

Царям и царедворцам было ненавистно перо чародея слова, перо великого баснописца. Но оно сверкало и пылало, как огненное перо сказочной жар-птицы.

Советская страна торжественно отмечает двухсотлетие великого сына великого народа. Крылов дорог каждому советскому человеку и особенно дорог нам, ленинградцам. В нашем городе он стал великим сатириком, прославленным драматургом, знаменитым библиотекарем, мудрым баснописцем.

Друзья, читайте Крылова!

ЧУДО-КНИГА

ОДНАЖДЫ по заданию редакции мне довелось беседовать с приехавшим в Ленинград научным работником библиотеки Британского музея в Лондоне. Это книгохранилище считается одним из самых больших в мире. Я спросил англичанина:

— Сколько же книг находится в вашей библиотеке?

Гость из Лондона замаялся, закурил сигарету и, наконец, ответил:

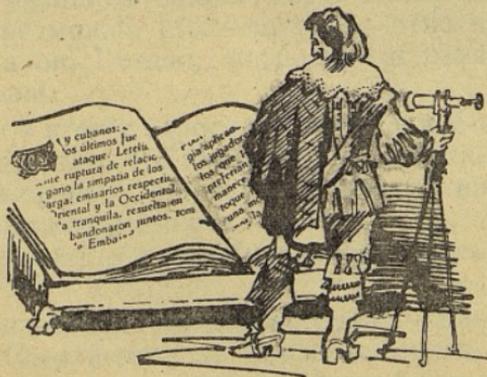
— Пожалуй, не только я, но и никакой другой наш сотрудник не назовёт вам этого числа. Но, может быть, вас удовлетворит такой ответ: мы подсчитали длину полок, на которых стоят книги нашей библиотеки. Если их протянуть одну за другой, получится, примерно, километров шестьдесят... У нас имеются издания, напечатанные чуть ли не во всех странах мира. Мы храним самые большие и самые маленькие книги, которые когда-либо были напечатаны.

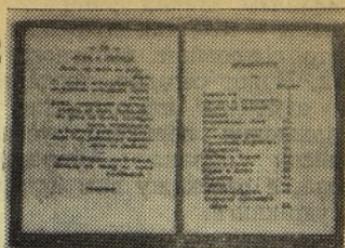
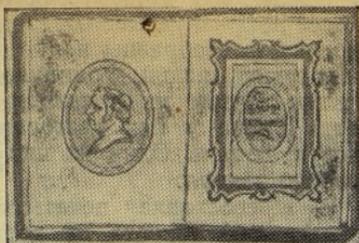
После дня я фраза английского учёного меня очень заинтересовала. Ведь интересно узнать, какая книга считается самой большой, а какая самой маленькой.

И англичанин удовлетворил мою любознательность.

— Был когда-то в Англии король Карл Второй. Для него напечатали атлас. Он состоит из многих отлочно — от руки — раскрашенных карт. Переплетали атлас около десяти лучших мастеров-переплётчиков. Чтобы обтянуть переплёт сафьяном, потребовалось восемь больших кож. И вот книга готова. Она оказалась выше человека среднего роста. Высота её — сто семьдесят шесть сантиметров, а ширина — без трёх сантиметров метр. Как рассматривать и читать текст на страницах этого гиганта? Книгу клали на низенькую подставку и смотрели на неё стоя, сверху. Говорят, что мелкие надписи разглядывали через подзорную трубу. Книга лежала неподвижно, её не сдвинуть с места. Ходили вокруг великана и заглядывали на страницы то с правой, то с левой стороны, то снизу, то сверху.

Тут я вспомнил, что и в нашей стране существовала ещё большая книга. Это был «Великий Коран» — религиозная книга магометан. Она хранилась в Самарканде, в одной из его старинных мечетей. Много лет назад «Великий Коран» таинственно исчез. Но по-прежнему, на котором он лежал,

остался. Его размеры — два с четвертью метра в длину и два в ширину.

— «Великий Коран» больше атласа Карла Второго, — ответил англичанин, — но написан от руки на огромных страницах, а атлас напечатан...

Разговор перешёл на самые маленькие книги.

— Один находчивый фотограф сделал весьма любопытный снимок. Когда библиотека предоставила ему несколько десятков книг-малюток, он отобрал самые крохотные. Затем вынул из кармана обыкновенную столовую ложку и начал заполнять её книжечками-малютками. Вот их уже набрался целый десяток, но всё ещё оставалось место. Добавил фотограф ещё две малютки и приступил к съёмке. Получилась фотография: «Двенадцать книг в столовой ложке».

— И что это были за издания?

— Словарь английского языка, насчитывавший двенадцать тысяч слов. В книжечке величиной с половину почтовой марки содержались произведения знаменитого учёного Галилео Галилея. Малюсенький томик стихов шотландского поэта Роберта Бёрнса, которого так прекрасно переводил ваш соотечественник Самуил Маршак. Сборник ирландских песен, не только текст, но и ноты...

Учёный продолжал рассказывать, и я всё ждал, что он назовёт нашу самую маленькую книгу, знаменитый крохотный томик басен Крылова, выполненный русскими мастерами более ста лет назад. Мне казалось, что именно крыловский томик является самой маленькой кни-

гой на земном шаре... Англичанин перечислил всю миниатюрную библиотечку, уместившуюся в столовой ложке.

— А басен Крылова там не было? Вы когда-нибудь видели это издание? — не выдержал я. — Его показали фотографу?

— О, да! Я видел, листал странички этой книги, — она есть в нашем музее, — но в ложке её не было. Фотограф её тоже видел, но, как я уже сказал, он отобрал самые-самые крохотные издания. А ваш Крылов был чуть побольше.

По правде говоря, я был очень огорчён этими словами учёного.

— Видите ли, фотограф, когда производил отбор книжечек-малюток, ни одну из них не раскрыл, продолжал англичанин. — Он стремился к одному — наполнить свою ложку как можно большим количеством чудо-изданий. А если бы раскрыл, то, пожалуй, чудом из чудес он назвал бы русский томик. Он убедился бы, что книжка книжке — рознь. Ведь на одной страничке можно поместить три строки, а можно и десять или даже больше. Книжки в столовой ложке были внешне самыми маленькими, но многие отпечатаны крупным шрифтом, а в этом никакого особого труда нет. Басни же Крылова отпечатаны самым бисерным шрифтом в мире, и как отпечатаны! В этом отношении я их считаю одним из самых удивительных изданий, сошедших с печатного станка.

Хорошее настроение возвратилось ко мне. И я подумал о том, как мало знаем мы о книжечке, которой должны по праву гордиться не только наши, но и печатники

всей планеты. Начал собирать все материалы о том, как появилось на свет это сокровище печатного искусства. И вот сегодня, когда наш народ отмечает двухсотлетие со дня рождения великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова, я расскажу вам историю этой чудо-книжки.

ВЫ ДЕРЖИТЕ в руках новенький, хрустящий рубль. Вглядитесь в него внимательнее. Посмотрите, какой на нём ясный рисунок, какие предельно чёткие линии. Качество печати на этом рубле — верх совершенства! А интересовались ли вы когда-нибудь, где так прекрасно отпечатали рубли, трёхки, пятёрки и другие бумажные денги? Отвечаю сразу же — на фабрике Гознак. Вы уже, вероятно, догадались, что название «Гознак» произошло от слияния двух слов — государственный знак. Бумажные денги выпускает фабрика государственных знаков. На этой фабрике находится одна из самых лучших типографий в стране. Она печатает не только денги, но и почтовые марки, маркированные конверты, разные другие государственные бумаги и документы — паспорта, сберегательные книжки, банковские чеки и многое другое.

До Октябрьской революции эта знаменитая типография находилась в Петербурге. И название у неё было такое: экспедиция заготовления государственных бумаг.

Однажды в петербургском банке кассиры разглядывали только что полученные образцы новых бумажных денег Англии, Франции, Португалии. Потом их показали банкирам. Глаза у них разгорелись на новые денги. Один из них громко заявил:

— Превосходная печать... Нашей экспедиции никогда не достигнуть такого высокого качества, ей только буквари печатают...

Хохотом покрыли эти слова столпившиеся за столом богачи...

История эта дошла до главного директора экспедиции Рейхеля. Он страшно обиделся, возмутился:

— Это нам буквари печатают? Бук-ва-ри? Хорошо же, уважаемые господа-с. Мы вам покажем, что может сделать экспедиция...

Рейхель хорошо знал своих лучших мастеров, чудодеев печатного дела, знал, на что они способны... И он задумал издать самую маленькую русскую книгу. Издать так, чтобы поразить всех самых видных знатоков и книголюбов. Директор экспедиции задумался над тем, что именно издать? Может быть, стихи Пушкина? Или Лермонтова? Но дело это происходило во время царствования Николая I. Русский император не жаловал ни Пушкина, ни Лермонтова. Кого же напечатать? Как раз в это время проходил сбор денег на памятник недавно умершему Ивану Андреевичу Крылову. И порешили: издать миниатюрный томик избранных басен Крылова.

Возьмите наугад несколько из своих книжек, и вы увидите, что текст их набран буквами разного рисунка, разной величины, одни выделены более жирно, другие — светлее, третьи стоят в строчках с наклоном... Даже в одной книге вы обнаружите разницу в шрифтах.

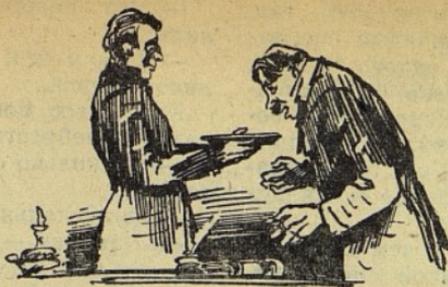
Существует огромное количество самых разнообразных печатных литер (наборных букв).

Вот и задумался директор Рейхель: каким шрифтом набрать томик крыловских басен? Конечно, самым маленьким! Печатники называют его диамантом. Высота строчной буквы этого шрифта всего лишь около одного миллиметра. Это значит, что на линии длиной один метр выстроится более тысячи буквишек-малышек. Но Рейхелю и такие малютки показались великоватыми. Нужен диамант ещё более мелкий. Такого шрифта не было во всём мире. Ну и что же? Если мы решили удивить печатный мир, значит, надо создать такой шрифт. Его нужно сделать из твёрдого металла, чтобы «волосяные» линии при печатании не вдавливались и сохранили бы свою первоизданную чёткость. Избрали для этой цели серебро.

В работу включились словолитчики. Через четверть часа рабочие должны были прекратить работу. Глаза не выдерживали такого напряжения. Поехали в оптический магазин и закупили большое количество увеличительных стёкол. Ведь без них не обойдутся позднее наборщики и печатники...

Когда изготовление шрифта — самого маленького диаманта — было закончено, можно было приступать к набору.

Для томика-лилипутика было отобрано 25 басен Крылова. Они должны были разместиться на

84 страничках. Кроме того, в книжечку вошёл титульный (заглавный) лист и листочек с оглавлением. И был ещё отдельно напечатан для томика портрет знаменитого баснописца.

Странички были очень маленькие — 29 миллиметров на 22 миллиметра. Чтобы представить эти размеры, сравните страничку с самой малой из недавно вышедших почтовых марок, посвящённых морскому флоту СССР. Самая малая — 26×37 миллиметров.

Но ведь на каждой страничке ещё должны были быть оставлены поля. Следовательно, текст надо было уместить ещё на меньшем пространстве. Подсчитали, что каждая страничка должна содержать 21—22 строки. В каждой строке примерно по 24 буквы. Всего на каждую страничку приходилось более полутысячи буковок. Вот какую работу должны были проделать петербургские наборщики из экспедиции заготовления государственных бумаг!

И то, что они сделали, было действительно чудом, настоящим трудовым подвигом. Ни в одной из книжечек из столовой ложки изобретательного фотографа не было ничего подобного.

Наборных дел мастера работали при очень ярком освещении. У одних были увеличительные линзы, какими пользуются часовщики. Другие закрепляли большие увеличительные стёкла специальными держателями. Глядя через них, они брали пинцетами нужную литеру. Даже ювелирам не приходилось выполнять столь миниатюрную работу. Русские наборщики оказались подлинными художниками своего дела.

И вот весь набор басен Крылова завершён. Наступает самая ответственная работа: отпечатать ма-

ленький томик. И отпечатать так, чтобы самый придирчивый специалист не нашёл ни одного изъяна, чтобы каждая буква была словоно вылепленной. Корректоры, вооружившись линзами, тщательно вычитывали текст, — как бы невзначай не выпала или же не ввалилась какая-нибудь литера!

Брошюровщикам и тем было тяжело работать с такой «мелочью». Они одели крыловский томик в скромную, но приятную литографированную обложку. Он должен был поражать не переплётом с золотыми украшениями, а работой, которой доселе не мог похвалиться ни один печатных дел мастер.

Тираж книги очень маленький. Купить её было очень трудно, да и стоила она больших денег. Рассказывают, что когда «Басни Крылова» были закончены печатанием, Рейхель послал одного из своих помощников к тому банкиру, который сказал, что нашей экспедиции только буквари печатать. Рейхель вручил помощнику томик басен в специальном футляре и сказал:

— Покажите этот букварь банкиру, но продавать — ни в коем случае, ни за какие деньги...

Приехал посланный в банк, является к банкиру.

— С чем изволите? — спросил важно развалившийся богач.

— Господин Рейхель велел показать вам букварь — последнюю работу нашей экспедиции.

Банкир даже рот разинул от удивления.

— Это, наверно, французы сделали...

— Никак нет, наша работа, целиком наша...

Как и все богачи, банкир загорелся приобрести диковинку.

— И сколько она стоит, книжица эта?

— А нисколько.

— Как так — нисколько?

— А вот так, нисколько. Цены нет, не продаётся...

Богач, привыкший деньгами удовлетворять все свои прихоти, совсем распалился... Как писал Крылов: «У кумушки глаза и зубы разгорелись...»

— Ну уж, не продаётся. Десяти рублей она не стоит, но я уж, так и быть, полсотни пожалуйю...

— Никак нет, не продаётся... Велено показать и возвращаться обратно. Извольте вернуть книжечку, пора...

— Сто рублей! — кричит банкир.

Посланец Рейхеля руками разводит — не велено.

— Пятьсот! — заорал миллионщик...

Но, аккуратно завернув томик, помощник Рейхеля раскланялся и был таков.

Книга вышла в свет в 1855 году. Великий баснописец скончался в 1844 году. Но если бы увидел этот знаменитый томик старый поэт, подивился бы чуду дивному и повторил бы мудрые строки одной из своих басен:

Недаром говорится,

Что дело мастера боится...

Дрожащие стихи

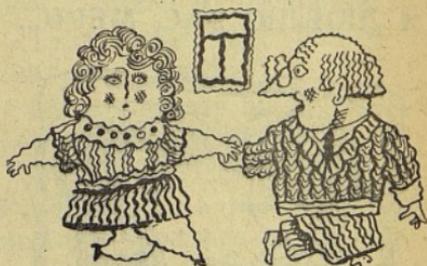

В запертом зале
Вздрогнуло что-то,
Будто ударил
Кто-то кого-то.
И папа дрожащий
Дрожащей рукой
Дрожащую маму
Повёл за собой.
Дрожащие стёкла
В окнах дрожали,
Дрожащие капли
По стёклам бежали.

Сидела на раме
Дрожащая мышь.
Сказал папа маме:
«Ну что ты
дрожишь?
Ты просто трусиха,
Здесь нет никого,
Спокойно и тихо,
Дрожать-то чего?»
Так папа сказал...
Но, выйдя из зала,
И папа дрожал,
И мама дрожала.

Сластёна

У Серёжи нет терпенья,
Он руками ест варенье.
Слиплись пальцы у Серёжи,
Приросла рубаха к коже,
Ног от пола не отнять,
Рук от ног не оторвать.
Слиплись локти и колени,
Уши склеило варенье.
Раздаётся жалкий всхлип —
Сам к себе Сергей прилип.

Полотёр

Полотёр, полотёр,
Для чего пол натёр?
По паркету я пойду,
Поскользнусь и упаду.
Чтоб не поскользнуться
И шею не сломать,
Нужно пол не щёткой,
А тёркой натирать.

Помог...

- Яму копал?
- Копал.
- В яму упал?
- Упал.
- В яме сидишь?
- Сажу.
- В небо глядишь?
- Гляжу.
- Яма сыра?
- Сыра.
- Как голова?
- Цела.
- Значит, живой?
- Живой.
- Ну, я пошёл
домой.

Рис. Г. Ясинского

Я ЛЮБЛЮ ВАС, МЕРИ...

Туся любит в куклы играть. Туся придумывает такие длинные игры с куклами, что к середине игры он забывает начало, а к концу — середину. Одна игра продолжалась, например, неделю.

Узнали про это девчонки во дворе и теперь — только начнут играть в дочки-матери — кричат:

— Шурик, иди к нам скорей!

Туся бросает дела и идёт играть.

У девчонок все игры похожи, как две капли воды. Куклы готовят обед, ходят в магазин, нянчат других кукол, принимают гостей и потчуют друг друга пирогами из глины и песка.

Каждый день одно и то же.

В Тусиных играх куклы влюбляются, убегают из дому, стреляют из-за угла, плывут вокруг света, пьют допьяна, пишут длинные письма, плачут, ругаются, хохочут, поют и умирают...

Во время своей бурной жизни куклы теряют руки, ноги, а порой и головы. Их хозяйки готовы мириться с этим — лишь бы игра продолжалась.

Туся нарасхват. Его зовут, когда двум влюблённым куклам надо поговорить между собой. Послушайте, как это делает Туся, и вы согласитесь, что выбор пал на него не случайно.

— Вот ваш платок, Мери, — говорит Туся грубым голосом.

— Ах, Джон, спасибо! Где

вы его нашли? — отвечает он сам себе нежно.

— В парке.

— Как вы там оказались?

— Я шёл за вами следом...

— Негодник! Вы подглядывали за мной!

— Мери, я люблю вас...

— Ах, Джон, мне дурно...

Воды!

— Не бойтесь, Мери, я не выдам вас. Никто не узнает, что вы встречались с герцогом...

— Вы добрый человек, Джон...

— Я люблю вас, Мери!..

Тусю зовут, когда игра заходит в тупик и её надо оттуда вывести.

Его зовут сочинить письмо или надгробную надпись, когда куклу хоронят.

И в разные квартиры Тусю зовут. Он ходит с удовольствием.

У каждой квартиры свой запах.

У Ксаны и Юрки, в тридцать шестой, пахнет гороховым супом и копчёными костями. А также сухариками из булки.

У Нади — машинным маслом и бензином. Прекрасный запах!

У Женьки — нафталином, скипидаром и ещё чем-то сладким.

У самого Туси — книгами, жареным луком, табаком...

У Розы — ничем. Пахнет ничем.

Нет во всём доме другой такой комнаты. Сверкает пол, стены, потолок! Из коридора

в комнату ведёт мохнатая дорожка, чистая-пречистая.

У Розы как-то даже неловко бегать, громко разговаривать.

У Туси всё можно. Можно стул на стол ставить. А на тот стул — табуретку. А на табуретку самому залезть и прыгать оттуда на диван, прямо в бурное море.

Однажды, прыгая в бурное море, Роза задела настольную лампу. Зелёный абажур раскололся надвое.

Роза охнула, уткнулась лицом в диван и заплакала.

Туся стоял над ней и не знал, что делать.

Он взял Розу за руку. Роза заплакала ещёуще.

Он подёргал её за рукав. Роза затопала ногами и прямо-таки заревела на весь дом.

Тогда он сел на диван и стал ждать. Он не знал, что сделал замечательное открытие: если хочешь, чтоб девчонка перестала плакать, не утешай её. Сядь рядом и терпеливо жди.

Роза последний раз всхлинула и умолкла. Нос у неё был красный. Под носом тоже.

— Что теперь делать, — сказала она, — меня лупить будут...

— Не будут, — сказал Туся.

— Будут, — упрямо повторила Роза.

— Не бойся, — сказал Туся, — я скажу: я разбил.

А Роза опять заплакала.

Это уж совсем непонятно!..

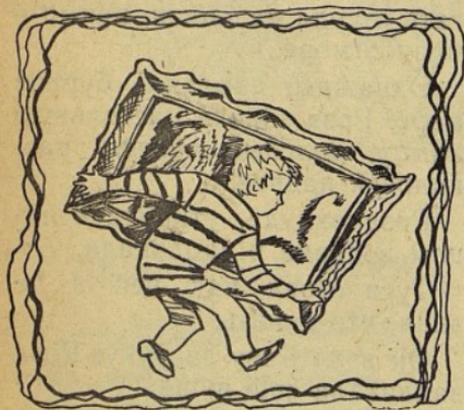
.....

— Не бойтесь, Мери, я не выдам вас...

— Вы добрый человек, Джон...

— Я люблю вас, Мери...

ЧЕГО БЫ ЕЩЁ...

Роза Степанова и Туся — соседи. На одной площадке живут. Пришла Роза к Тусе в гости и говорит:

— Какая у вас салфеточка на комод!..

— Хочешь, подарю? — говорит Туся.

— А мама?

— Мама? Мне что хочешь позволяют!

— Врё-ёшь...

— Хочешь, Ваську подарю? Васька на полу сидит, глаза жмурит, хвост кренделем.

— Хочу, — говорит Роза,

— Бери!

— Я...

— Бери, бери!

Туся — салфетку через плечо, Ваську в охапку и — к Розе.

У Розы тоже дома никого. Всё на работе. На стене фарфоровое блюдо — корабль-парусник льдами затёрт. А где же люди? Наверно, внутри сидят, печку топят, греются, сухари грызут... Больше ничего у них не осталось. Подмоги ждут...

— Подари мне это блюдо, — говорит Туся.

— Ой, что ты! — испугалась Роза. — Разве можно?

Жалко. А как бы хорошо повесить это замечательное блюдо над кроватью и разглядывать каждый вечер перед сном, и тогда приснится голубой лёд, и белый снег, и голубой корабль, и люди в голубых каютах...

— Ну, подари...

— Ты что, очумел! — рассердилась Роза.

— Ну, понарошку подари, как будто...

— Понарошку?

— Ну! До вечера!

Роза залезла на диван, сняла со стены блюдо, и они торжественно понесли его к Тусе.

Вбили гвоздь над кроватью. Повесили блюдо.

— Смотри не обмани, — говорит Роза, — только до вечера.

— Я же сказал.

Туся ложится на кровать и любит блюдо.

— Да, ты обманешь, — говорит Роза, — все вы мальчишки обманщики.

— Не веришь! — вскакивает Туся. — Чего бы ещё... Вот! На!

Он хватает со стола любимую мамину чашку с охотником и собакой. Роза растерянно прижимает чашку к груди.

— Неси домой, ну! Не бойся, неси!

Роза исчезает. И тут же возвращается. В руках у неё большая кукла с закрывающимися глазами.

— Хочешь, подарю? — робко спрашивает она. — Совсем почти новая, только нога отбита...

— Спасибо! — говорит Туся. — Ничего, что нога. Пригодится и кукла.

— Вот и одежда, туфелька вот, платье, — торопится Роза, словно боится, что Туся передумает.

А Туся уже тащит плешивого медведя.

— Пожалуйста, — говорит, — возьми, совсем хороший медведь, только вместо глаз пуговицы...

— Ой, спасибо!

Роза несёт калейдоскоп с цветными стёклами.

— Ого, здорово!

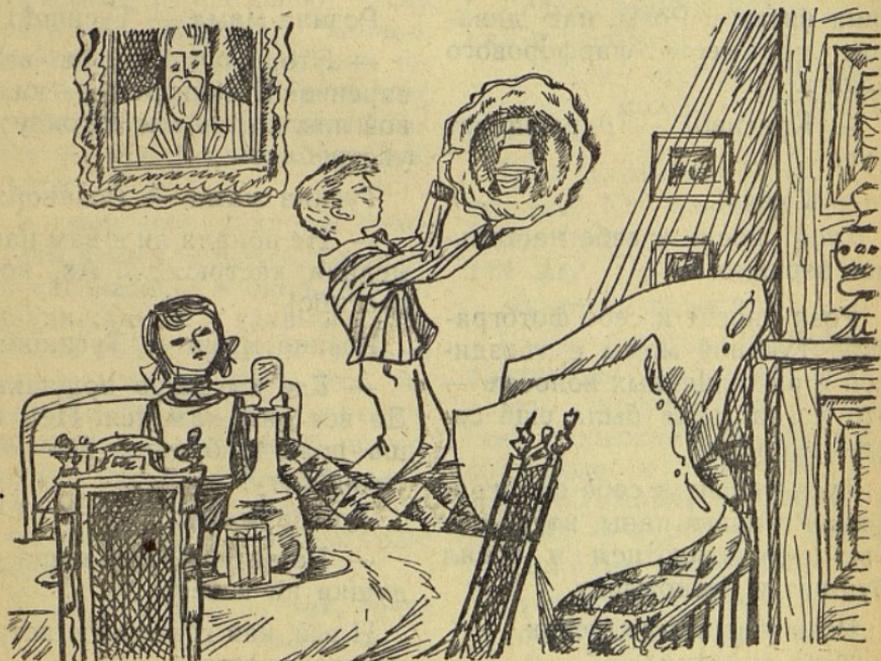
Туся тащит шарманку.

— Тру-ля-ля! Тру-ля-ля!

Роза несёт мамин вязаный берет. Зачем Тусе берет? Он наденет его на голову, вот так. Привет! Я клоун!

Туся тащит через всю квартиру складной стул. Сиди, Роза, на здоровье! А хочешь — складывай, такой стул поискать!..

Роза садится на стул, баюкает медведя. Чего бы ещё?

Чего бы ещё?.. Вот, папина тельняшка!

Тельняшка? Об этом Туся и не мечтал. Он напяливает тельняшку и шагает по комнате: ать-два!

Туся снимает со стены тяжёлую картину, что висит над столом. На картине — берёза, зелёная трава... А людей нет.

Роза трогает ногтем берёзу и говорит шёпотом:

— Какая кора толстая! Как настоящая... Краски-то сколько!

Да, краски много пошло. Наверно, потому художник людей и не нарисовал. Не хватило краски.

— Хочешь картину?

— А куда?

— Придумаем!

Через несколько минут картина висит у Розы над диваном на месте фарфорового блюда.

— Красиво? — спрашивает Туся.

— Очень!

Туся уносит к себе настольное зеркало.

Роза уносит к себе фотографию Тусиной мамы с гвоздикой в распущенных волосах — это когда мама была ещё совсем молодая.

Туся уносит к себе фотографию Розино папы, когда тот был краснофлотцем и носил бушлат и бескозырку.

Роза уносит градусник.

Туся — поварёшку.

— Скворода! — кричит Туся и бежит дарить сквороду.

— Кочерга!..

— Подушка!..

— Полено!..

Тут и родители подросли.

Сначала был, как водится, шум.

Потом стали ходить, вещи собирать.

Розина мама говорит Тусиной:

— Это, кажется, мой веник, но я точно не знаю. Я свой на прошлой неделе покупала, он такой ещё крепкий был... А этот что-то не очень...

Тусина мама говорит Розиной:

— Простите, у нашей мясорубки ручка чёрная, а эта белая...

Розина мама — Тусиной:

— Это, случайно, не ваше варенье? Я понюхала — клюквой пахнет, а мы клюкву не употребляем...

Тусина мама — Розиной:

— Не попала ли к вам наша медная кастрюля... Ах, вот... спасибо!

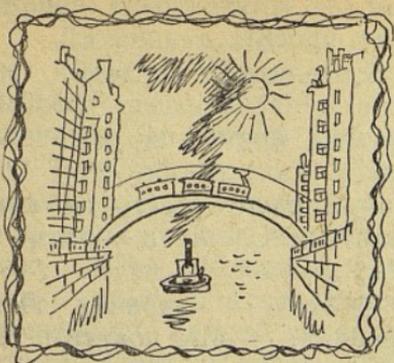
Розина мама — Тусиной:

— Где же наша подушка?.. Да вот она, кажется! Нет, наша полегче будет... Вот она, слава богу!

Тусина мама:

— Ради бога, нам ваша подушка ни к чему...

И всё, как говорится, встало на свои места.

Туся и Лёва Тройкин стоят на берегу канала. Столетние тополя склонились над водой. И как только не упадут?

Кирпичные корпуса морского экипажа заслоняют от тополя солнце, и тополя всю свою долгую жизнь тянутся к нему.

Тополя отбрасывают тень почти на середину канала. Кажется, дай им волю, они дотянутся до того берега, где всегда солнечно, а сейчас так весело играет патефон: «Пой, Андрюша...»

В морском экипаже тихо, будто вымерло всё, и, сколько ни заглядывай в окна, никого не увидишь. А у главного входа часовой с тесаком. Вот на него можно смотреть хоть целый час, потому что ему скучно на вахте, ему даже приятно, что он кому-то интересен, хотя бы мальчишкам... А что мальчишки? Мальчишки тоже люди!

Вода в канале густая, грязная, в мазутных разводах, а на том берегу ребята стоят с

удочками. Нет-нет и вытащат уклейку. И откуда эти уклеи-ки берутся? Может быть, из Фонтанки? А в Фонтанку — из Невы приплывают, а в Неву — из залива, а в залив... из моря.

Значит, если отсюда в Фонтанку, а из Фонтанки — в Неву, а из Невы — в залив, а из залива — в море, то можно в конце концов попасть в океан! Значит, в этой гнилой, масляной воде, покрытой тягучей плёнкой, густо усыпанной тополиным пухом, значит, в этой воде есть хоть одна — хоть одна да есть! — капля океана!..

Это открытие так взволновало Тусю, что он тут же хотел поделиться с Лёвой Тройкиным, но спохватился: посмеётся над ним Лёва. Сколько раз бывало.

Лёва Тройкин плюёт в канал и говорит:

— Если отсюда поплыть, запросто можно в океан попасть, а?

Туся открывает рот... э, да что там! Кто поверит, что они враз подумали об одном и том же?

Никто не поверит!

Вдоль берега привязаны и прикованы ржавыми цепями лодки, железные и деревянные, с каютами и без кают, крашеные и смолёные. «Лена», «Тамара», «Светлана», «Иван» — кургузый баркас, осевший на левый борт...

Тусе всё тут удивительно и радостно до замирания сердца. Впервые в жизни он ушёл

так далеко от дома. Да ещё с Лёвой Тройкиным!

— Эх, — говорит Лёва, — что тут было! Шлюпки готовили к навигации, стеклом чистили, шпаклевали, красили... Я матросам помогал.

«Почему, — думает Туся, — почему одним людям всё можно, а другим?..»

— Эй, Гриха! — кричит Лёва Тройкин на другую сторону канала. — Ловится?

— Не-е! — отвечает один из рыболовов, белобрысый, в майке, выпущенной из трусов.

— Дурак, — говорит Лёва Тройкин, — ну и дурак Гриха, разве тут ловят! Я знаю, где ловят...

«Всё он знает, — думает Туся, — всё...»

Подымается ветер и несёт по набережной тучи тополиного пуха. Пух летает над головой, щекочет шею, лицо, а то вдруг завьётся под ветром в маленький белый смерч и кружит по берегу, кружит...

— У-у-у! — доносится справа. Это речной буксир выходит из-за поворота. — У-у-у-у!

Буксир идёт прямо к спуску, где мальчишки стоят. На его прокопчённом носу белой краской выведено: «Мятежный».

Из грязно-голубой рубки высовывается голова в чехле от бескозырки.

— Эй, огольцы! Сбегай на вахту, скажи — «Мятежный» пришёл, пускай тару дают!..

Туся почти ничего не понял, но обрадовался. Лёва понял всё, кивнул и побежал к экипажу. Туся за ним.

— Товарищ вахтенный! — крикнул Лёва матросу с тесаком. — «Мятежный» пришёл, тару просит!..

Вахтенный, щекастый матрос с заспанными глазами, сказал, почти не раздвигая губ:

— Тара-то здесь, да кому катить-то?.. Я с поста не уйду...

— Мы! — закричал Лёва Тройкин. — Мы покатым! Чего катить надо?

— А пропуска-то у вас есть? — спросил щекастый и тут же сообразил, что перед ним мальчишки. — Ну, валийте.

Он побренчал связкой ключей, выбрал, какой надо, отворил ворота и мотнул головой:

— Выкатывайте...

Во дворе стояли две бочки. Одна ростом с Туся, другая повыше. Туся заглянул в ту, что поменьше, понюхал: из бочки несло чем-то кислым.

— Вали её и кати, — сказал Лёва Тройкин, — а я эту...

Туся так и сделал. Повалил свою бочку и покатыл. А она его не слушается. Всё норовит в сторону свернуть. Он её в ворота толкает, а она от ворот. Он в ворота, она от ворот. Лёва Тройкин давно уже свою бочку на улицу выкатил, а Туся всё за ворота не выберется. Перепачкался — из бочки склизкое ползёт, вспотел... Хоть бы вахтенный помог, да, наверно, на посту нельзя бочки катать, он и стоит, ключами бренчит, ждёт...

— Ну, что ты там! — кричит Лёва Тройкин. — Чего застрял?

— Да кривая она! — отвечает Туся. — Прямо не катится!

— Сам ты кривой! Гляди... И Туся увидел, как ловко, толкая ногой и ровняя время от времени руками, гонит свою бочку Лёва. Услышал, как звонко гремит она по камням набережной. Увидел рулевого, который стоит на берегу, руки в бока, и ждёт свою тару. И захотелось Тусе подогнать бочку так же весело и легко, как Лёва.

Эх! Он ударил свою бочку ногой, и бочка закружилась на месте, как волчок. Она брызгалась кислой капустой, а рулевой хохотал, и Лёва Тройкин тоже хохотал...

Так всё было хорошо и вдруг... Проклятая бочка!.. Туся стиснул зубы, остановил бочку, тихонько повёл её руками, следя, чтобы она касалась мостовой только средней, самой пузатой своей частью, и вдруг ощутил, как это легко, как просто, и хотя ничего не слышал вокруг, занятый своей бочкой, понял, что никто больше не смеётся над ним.

— Ну, огольцы, спасибо, — сказал рулевой.

• Он вкатил бочки на буксир, поставил их плотно одна к другой и теперь обтирал руки ветошью.

— Дяденька, прокати... — сказал Лёва Тройкин.

— Прокатить... Да я ж в порт иду, туда нельзя. — Он помолчал, поскрёб ногтями

шею, поглядел куда-то поверх мальчишек и сказал лениво: — Ну, ладно, прокачу маленько, только за борт не свешиваться...

Лёва Тройкин стоит и поплёвывает за борт, словно ничего и не случилось. Рулевой держит свой руль и забыл про них...

— Эй, Гриха! Прощай! — кричит Лёва Тройкин.

Тых-тых-тых-тых... Буксир делает поворот, и вот уже пропал Гриха за поворотом, и вахтенный пропал, и тополя...

Мальчишки сидят на маслянисто-чёрных бухтах каната, под ногами у них вздрагивает и мелко трясётся палуба, а мимо глаз проплывает новый, невиданный город.

Город словно в кривом зеркале вытянулся вверх всеми своими домами, а всё потому, что Туся видит его снизу. Город кажется странно удалённым, и всё в нём как бы уменьшилось. Город всё время движется, а значит — меняется...

— Вон папиной сестры дом, моей тёти! — кричит Туся и показывает на серый дом с колоннами и старинными фонарями. — А вон «девятка» автобус, мы на нём ездили, а вон...

«Мятежный» надламывает свою чёрную с красной полосой трубу, выпускает облако дыму и копоты и — тых-тых-тых... — собирается пройти под мостом.

— Сейчас Фонтанка! — кричит Лёва Тройкин.

Сейчас Фонтанка, за Фон-

танкой — Нева, за Невой — залив... А там...

Через мост ползёт трамвайчик, он ползёт высоко и кажется маленьким. Туся машет рукой пассажирам, улыбается им и жалеет их искренне и снисходительно. «Смотрите, смотрите на нас, видите, как чудесно мы плывем!..»

А впереди другой мост, с башенками, похожими на крепостные, с тяжёлыми цепями, перекинутыми от одной башни к другой. За мостом — громадные краны по всему небу!

— Всё. Дальше нельзя...

Туся и Лёва Тройкин стоят на пристани и молча смотрят вслед буксиру, пока он не скрывается из глаз. Где-то там, в невидимом пространстве, сплошь усеянном кранами и кораблями, он гудит ещё раз — а может не он? — но Туся так хочется, чтобы это он, «Мятежный», прогудел. Прогудел — попрощался...

— Слушай, а ты весь в саже! Вот это да! Ну-ка, посмотри на меня. Что, тоже?.. Ай, да ну-ну! — Лёва захохотал.

И Туся тоже захохотал.

Туся впервые идёт пешком по этим улицам и переулкам, впервые без взрослых переходит трамвайную линию, впервые никто не одёргивает его: «Подожди, посмотри — куда? Правильно, влево. А потом — куда? Правильно, вправо...» Он сам знает, что надо сначала подождать, потом посмотреть влево...

Ну, вот и дом. «Здрасьте, я ваш сын. Не узнаете? Разве я так изменился? Д-да... Чего я

вам расскажу! Дайте только пообедать. Вы даже не поверите, где я был! Сядьте за стол и сидите спокойно, а я буду рассказывать. Так вот... Не охайте, ничего страшного не было...»

Ничего страшного, надо только нажать на звонок. Дзинь, и всё. А рука почему-то тяжёлая... Ну, раз...

Так и есть, мама, папа, кто-то ещё... Да что они так смотрят? Он же не умер! Видите, он улыбается, но боится открыть рот, потому что стоит ему сказать слово и начнётся такое...

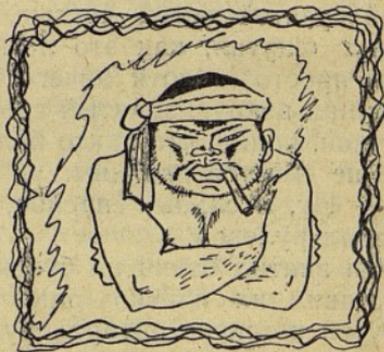
— Я...

— Где ты был? Что за вид? Что это значит?..

Вот. Ничего они не поймут. Даже заикаться не стоит.

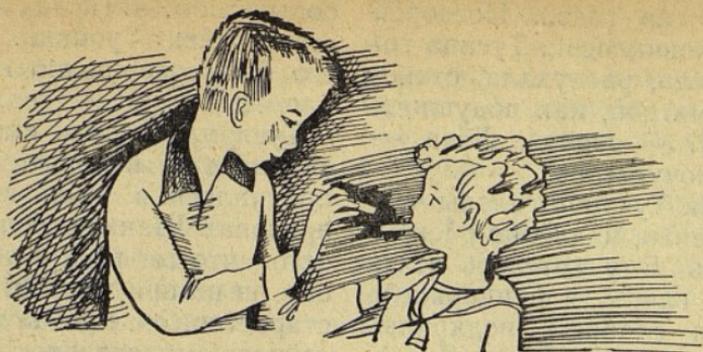
Туся стоит в коридоре и смотрит на свои руки. Они у него все чёрные, в мазуте и саже. Свидетели необыкновенного чуда.

В ПРИТОНАХ ШАНХАЯ

— Иди сюда, — сказал Лёва Тройкин, — иди за мной...

Туся спустился в подвал. Там было сыро, темно, пахло грибами и уборной.

— Иди ближе, — шёпотом позвал Лёва Тройкин.

Он чиркнул спичкой, и слабый огонёк высветил его широкое лицо и круглую голову с обрывистым лбом.

Спичка догорала.

— Ты знаешь, что такое притоны Шанхая? — спросил Лёва Тройкин уже в темноте. — В притонах Шанхая курят опиум... Заманили тебя в притон и уговаривают: покури чуть-чуть... Ты поддался, и всё! Опьянел, валишься на циновку и спишь. А во сне к тебе подкрадывается шпион — в притонах Шанхая их полно! — подкрался и — нож между лопаток!..

Туся в пронзительном страхе оглянулся. Там, где по его расчётам была дверь на улицу, — темно.

— Но их можно обмануть, — шептал Лёва, — это пара пустяков. Они тебе: «Кури, кури!» — а ты: «Мерси, мерси!», а сам — раз! — и подменил папиросу! В кармане то у тебя «Беломор»! Понял? Притворился, что спишь... Они

к тебе, а ты: тах-тах! — из пистолета...

Снова чиркнула спичка. Туся в ужасе смотрел в безжизненное лицо Лёвы Тройкина. Тот протягивал ему папиросу. Другая была у него в зубах.

— Прикуривай, — сказал Лёва, — не бойся. Сразу не тяни в себя дым, не глотай. Во рту поддержи и выпусти. Смотри...

Лёва прикурил и окутался облаком едкого дыма.

— На, прикуривай...

Огненная муха подлетела к Тусиному носу. Туся приблизил к ней вплотную свою папиросу и втянул щёки.

Рот наполнился горечью, в горле запершило, из глаз хлынули слёзы.

— Кхэ-кхэ, кха-кха...

— Не торопись, — сказал Лёва, — спокойно...

Туся снова покорно втянул в себя дым.

— Выпускай через нос, — сказал Лёва.

Через нос... Тусе показалось, что вся голова его наполнилась этим ядовитым дымом и теперь он выходит отовсюду:

из ушей, из глаз... Поскорей бы это кончилось!.. Тусина голова росла, распухала, становилась мягкой, как подушка...

— Ну? — спросил Лёва. — Как самочувствие?

Внутри Тусиной головы что-то медленно, медленно раскручивалось. Ему хотелось взять себя за голову и придержать. Сладкая слабость подкрадывалась к ногам. Ладони вспотели, а пальцы стали вялыми и толстыми, как сосиски...

— Эй! — крикнул Лёва и схватил Тусю за руку.

«Что-то» внутри головы раскрутилось — не удержать! Ноги подкосились, и Туся почувствовал, что летит. Со страшной, тошнотворной скоростью куда-то летит...

.....
«Подложи... голову... нашатырь... воду... давай... зелёный... ещё... сюда...»

Слова звучали глухо, будто из-за стены. А то и совсем пропадали. Тусе казалось, что их опускали во что-то мягкое.

Он открыл глаза. И не успел ещё разглядеть, кто с ним рядом, как на него обрушилось:

«...Ну вот, наконец-то, очнулся, слава богу, ирод, что наделал, отравился, насмерть, разве можно...»

Мама стояла на коленях перед кроватью. Она целовала Тусю и грозила ему кулаком, она всплёскивала руками и воздевала их к потолку...

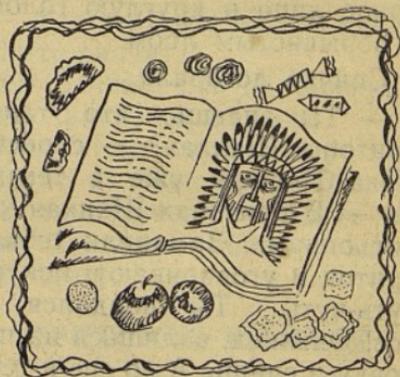
У дверей теснились старики Градобоевы, Маргарита Галкина и другие соседи, глядевшие на Тусю с голодным лю-

бопытством. В ногах кровати стоял Лёва Тройкин. Взгляд его был совершенно непроницаем.

Туся улыбнулся ему через силу. Он не виноват, что так получилось в этих, как их... притонах Шанхая. В голове у него что-то раскрутилось, а сам он ни при чём. Он ещё постарается, он ещё научится, а сейчас ему скверно, ох как скверно, его так тошнит...

— Выйдите, все выйдите! — закричала мама. — Дайте таз!..

БАБУШКА

Тусина бабушка — старуха с характером. Она редко приезжает в гости, но уж когда приедет — всё в квартире становится на цыпочки!

Ступает бабушка медленно, важно. В длинном чёрном пальто, в чёрной юбке до пят, на плечах — старенький палантин, на голове — шляпа тюрбаном. Вокруг шляпы вуаль. Чёрная. В руке сумочка. Тоже чёрная.

Идёт, в сторону не глянет. Губы ниточкой.

Тусина бабушка — вдова учителя словесности, то есть русского языка и литературы. От прежней жизни у неё сохранились кой-какие привычки. Привычки свои она ревниво оберегает.

Одна привычка замечательная: делать на рождество подарки. Привозит подарки не сама бабушка, а специально нанятый для этого человек. Сколько ему бабушка платит — никто не знает. Зато знают другое: привезли подарки — скоро жди бабушку!

...В квартиру вносят большую морозную корзину, прикрытую крахмальной салфеткой. Салфетку долой — и на тебя прыгают краснобокие, тронутые холодом яблоки! Попробуй откуси — зубы заломит!

Под яблоками мандарины. А там — конфеты, печенье, пирожки... И на самом дне — книги! В глянцеvitых переплётax, с яркими картинками, пахнущие стариной...

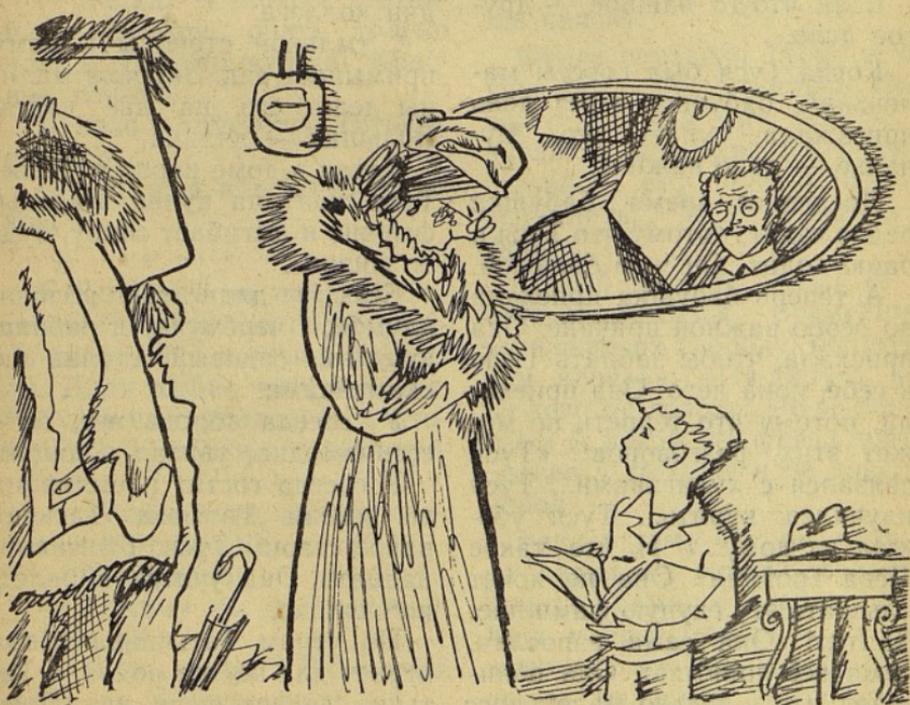
Часа через два приезжает сама бабушка. Садится в кресло и принимает поздравления, поцелуи, знаки благодарности.

— Вот это яблоки! — говорит Тусин папа. — Никогда таких не видал!

Он тихонько толкает Тусю в бок.

— А пирожки! Какие пирожки! Тают во рту!.. — восклицает мама и мигает Тусе.

Туся пережил свою радость ровно два часа тому назад: прыгал вокруг корзины, как индеец, перепробовал все сласти, перелистал книги...

— Ай да мандарины! — говорит папа. И дёргает Тусю за штаны.

— Сахарное печенье! Как раз то, что я люблю! — говорит мама. И сверлит Тусю глазами.

Но Туся уже поцеловал бабушку, когда она вошла. Он уже сказал ей спасибо и прижался к её жесткой груди, пахнувшей мятными лепёшками, и получил ответный поцелуй...

Чего ещё от него хотят?

Бабушка просто так не приезжает. Ей, старой, нелегко просто так по трамваям трястись. Бабушка живёт у своего сына-профессора, а это далеко, можно сказать — на другом конце города.

Если что-то важное — другое дело.

Когда Туся был совсем маленький, бабушка через день приезжала купать его. Купанье — дело важное.

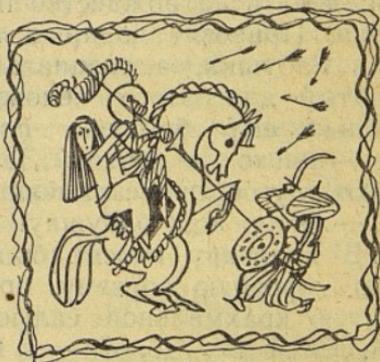
Последнее время бабушка редко ездит, потому что Туся в баню ходит. Он уже большой.

А теперь бабушка приехала по особо важной причине. Она приехала, чтобы забрать Тусю к себе, пока лето. Она приехала, потому что терпеть не может этих разговоров: «Туся связался с хулиганами... Туся научился курить... Туся убежал из дому...» И что такое Лёва Тройкин? Она не хочет слышать эту глупую фамилию. Хватит! Она сама взрослая, сама всё понимает. Она понимает, что у такого маленького

мальчика, как Туся, не может быть столько грехов.

Все хотят отдохнуть от ребёнка. Все. Ребёнок всем мешает.

ПОДРУГА ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

Дом, в котором живёт дядя-профессор, одноэтажный, деревянный. Большую часть занимает дядя, меньшую — дядин коллега.

С тыльной стороны к дому примыкает сад. Заросли малины делят его на две части. Большая — дядина.

Когда в доме варят варенье, Туся стоит на кухне. Варенье фырчит и выгибает спину, будто живое...

Есть у дяди три яблони, клумба, черёмуха, рябина, круглый садовый столик со скамейками.

У соседа яблонь нет, зато есть беседка, увитая плющом.

У соседа гостит племянница по имени Татьяна. Татьяна вдвое старше Туси. Ей четырнадцать. Она учится в балетной школе.

По утрам Татьянина тётка играет для неё на рояле, и Татьяна делает свои па. Пры-

гает, ноги задирает, руками машет — словом, танцует.

Есть одно местечко в малине. Оттуда — всё как на ладони, а тебя не видно.

Туся сидит в этом укромном местечке каждый день, и ему не наскучит.

Всякий раз он испытывает сладкое волнение и страх, что его обнаружат и уличат в чём-то. Пальцами будут показывать и хохотать. На улицу выведут. Ну и пускай, пускай!..

Каждое утро он ждёт, когда отворится дверь в сад. Вот... Ну, иди, иди! Не останавливайся... Холодно, холодно, теплее, теплее... опять холодно!.. Обязательно надо понюхать эти дурацкие цветы... Ногу почесать... Подумаешь, комар кусил... Ага! Теплее, теплее... Жарко! Жарко!

— Тётка! — кричит Татьяна. — Смотри, опять яблоко нашло! Вот это чудеса! Красное, гляди!..

Яблоко хрустит. Татьяна смеётся.

— Тётка, а яблоко-то сладкое!

.

Как-то, ещё до приезда Татьяны, дядя читал после ужина вслух. Все сидели и слушали. Дядя любил читать вслух. Он ужасно сердился, если кто-нибудь слушал невнимательно.

— Может быть, то, что я читаю, неинтересно?..

— Интересно...

— Почему же ты глядишь на печку?

— Я не гляжу... (Муха туда полетела, вот почему...)

— Я читаю серьёзные вещи, а ты улыбаешься.

— Я не улы... Я больше не буду...

Туся ничего не понимал в книжке, которую читал дядя, и уже задрёмывал, уже зябко ему становилось, как бывает перед сном, и боялся заснуть, чтоб не обидеть дядю, и вот в этом полусне он отчётливо услышал, как дядя прочёл: «...подруга великого человека».

Эта фраза так поразила Тусю, что он перестал дремать и скоро совсем проснулся. Фраза не вызывала у него никаких представлений. Просто он видел её ясно и крупно напечатанной на листе бумаги:

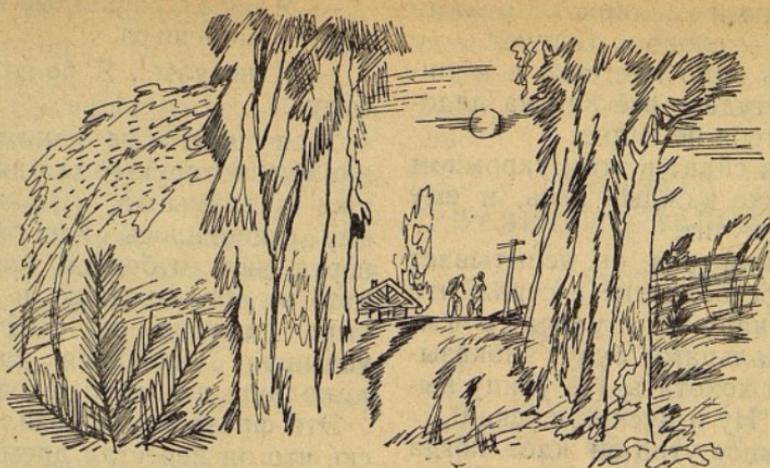
ПОДРУГА ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

Чёрным по белому. И больше ничего.

Фраза поразила Тусю, и он унёс её с собой в постель. Она долго мешала ему уснуть, а назавтра, проснувшись, почувствовал: ему нужно что-то вспомнить... И вспомнил эту фразу.

Целый день он носил её в себе и мучился. Временами выпускал на свободу, бормоча или напевая: «Па-адруга великого человека! Че-че-ловека!..» А потом эта фраза опять сидела в затылке и не давала покоя.

Беда в том, что он ничего не видел за этими словами. Только слышал их, и всё. Уши у него гудели и голова ломилась от этих слов: «Подруга великого человека!..»

Когда Туся впервые услышал за малинником незнакомый голос и увидел высокую девочку с прямыми, точно из дерева вырубленными волосами, он сразу почувствовал облегчение: это она!

...Туся долго не засыпает. Перед ним проносятся наводнения, пожары, обвалы, землетрясения, орды бандитов, дикие звери... Татьяна тонет, проваливается в пропасть... Её засыпает камнями, её хватают разбойники, на неё кидается лев... И всюду в последнюю, в самую последнюю минуту, когда уже, казалось бы, конец, — появляется он, Туся. Он стреляет, колет, рубит, ругается, он бьёт этих разбойников, разбрасывает их в стороны, словно те ватные... Он берёт Татьяну на руки и несёт её... Татьяна смотрит на него полными слёз и признательности глазами. Подруга великого человека...

А утром он снова прячется в малину и слышит:

— Тётка! Опять яблоко! Да что ж это такое!..

— Скажи-и пожа-алуй-ста! — ненатурально тянет тётка. Неинтересно ей, устала она дрынькать на рояле, подремать хочет...

Как-то раз Татьяна играла в мяч, и мяч этот упал на Тусину сторону. Татьяна подошла вплотную к зарослям малины, встала на цыпочки, раздвинула кусты руками...

Глаза её встретились с Тусиными. Мгновение она смотрела на него, потом сказала:

— Мальчик, подай мяч, он к вам упал...

Туся молча выбрался из малины, взял мяч — он слышал, куда тот упал, — и молча подал ей.

— Послушай, — сказала она, — а как это к нам ваши яблоки залетают?..

После обеда у её калитки тренькнул велосипедный звонок. Парень в белой бобочке, в пиджаке, накинутом на пле-

чи, положил на забор загорелые руки.

Вышла Татьяна.

— Здравствуй, — сказал парень.

Татьяна показала рукой в сторону дома и приложила палец к губам.

— Здравствуй, Глеб, — сказала она, — заходи...

Глеб медленно прошёл в сад, сделал лёгкое движение плечами — скинул пиджак на скамейку, подошёл к садовому столику, взялся за края и выжался на руках.

О-оо!..

Потом упругим прыжком Глеб встал на землю и сказал:

— Поехали кататься...

Туся смотрел, как Татьяна выводит свой велосипед за калитку, с тревогой замечал на её лице незнакомую ему улыбку, слышал, как Глеб накачивает камеры, пытался услышать, о чём они говорили...

Тихо говорили. Татьяна что-то рассказывала, а потом показала рукой в Тусину сторону. Туся вздрогнул и замер.

Глеб засмеялся. Татьяна засмеялась. Не зло. А Глеб сказал:

— Влюбился...

Пока слово не сказано вслух — как будто ничего и нет.

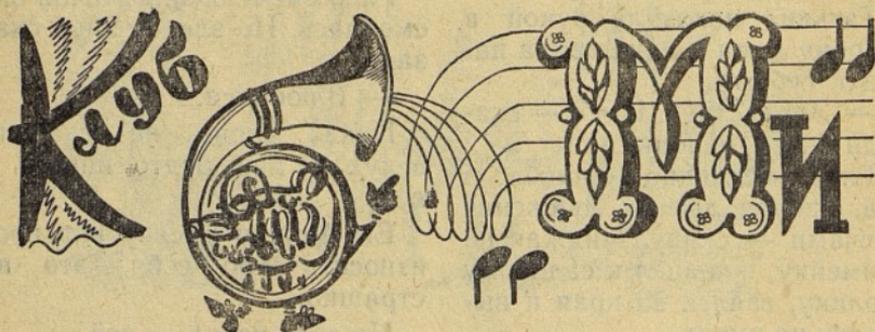
Его можно тысячу раз проносить про себя — это не страшно.

Но если вслух — всё...

Слово, слово произнесли!..

Туся выбежал из дому. Два велосипеда — совсем рядом — скользили тихо вдоль лиственной аллеи. Две тени, накладываясь одна на другую, плыли впереди велосипедистов. Празднично сверкали спицы, и аллея была бесконечна.

(Окончание следует)

— Итак, слово коллеге Кларнету, — провозгласил Орган, открывая заседание клуба. — Вы хотели, уважаемый Кларнет, рассказать о появлении корпуса у струнных музыкальных инструментов.

— Я приношу тысячу извинений, — бархатным голосом пропел Кларнет, — за то, что, будучи духовым, а не струнным, осмеливаюсь высказать некоторые соображения по этому поводу.

Когда-то я был веткой чёрного дерева. Росло это дерево в стране, где живут очень милые люди. Они совсем как дети — не умеют ни читать, ни писать, и существуют, как существовали их предки тысячи лет назад. По-прежнему у них на вооружении лук и стрелы. Но если у них столь древнее оружие, то можно предположить, что и музыкальные инструменты, которыми они себя увеселяют, не моложе. И вот картина: после удачной охоты пиршество, а значит, песни, танцы... Самый главный музыкальный инструмент — барабан.

— То-то же! — самодовольно хмыкнул Барабан.

ВТОРОЕ

— Поскольку вы всё равно не извинитесь за то, что перебили меня, — заметил Кларнет, — я, порядка ради, сам вынужден просить у себя прощения. Вместо вас. А засим позволте продолжить... Внезапно сквозь грохот барабана доносится стонущий звук. Что случилось?!

Ничего особенного. Воин держит тетиву — один конец в зубах, а другой конец в руке. Щёки музыканта надуты. Дрожит от щипков «струна». Своё дрожание, или, научно выражаясь, колебание, она передаёт окружающему воздуху. Воздух тоже колеблется и заставляет в свою очередь колебаться барабанные перепонки человека. Человек слышит звук. Но когда струна в зубах у музыканта, колебания струны передаются зубам, а через них и воздуху, который во рту у играющего. Эхо! Звук не сразу пропадает, а отражается от неба и щёк. Вот и гудит всё тихонько. Первым резонатором был рот человека.

— Первым... чем? — не понял Барабан.

— Резонатором. Резонатор — это... это...

— Позвольте мне, коллега, — вмешалась Скрипка. — Это, одним словом, то, что усиливает звук, создаёт что-то вроде эха. Роль резонатора играли в своё время выдолбленные стволы деревьев, тыквы, из которых вынимали сердцевину, разные соуды...

— Хорошее слово «резонатор», — обрадовался Барабан. — Теперь будем выражаться научно. Ваше «туловище», дорогая Скрипка, — это резонатор.

— Между прочим, — заметила Скрипка, — ваш круглый живот тоже не что иное, как резонатор.

— Только струн что-то не видно, — хихикнула Флейта.

— Тише, — властно прогудел Орган. — Вы что-то хотели сказать,

уважаемая Скрипка? — обратился он к одной из Скрипок оркестра.

— Мне хочется, чтобы мы, струнные, не забывали о нашем молчаливом спутнике.

— Да, да, — загомонили струнные. — Мы многим обязаны Смычку. Смычки умеют разговаривать только шёпотом, голос их напоминает шорох. И потому ни один Смычок не мог выступить с рассказом.

— Чтобы все Смычки нашего оркестра считались равноправными членами клуба Музыкальных Инструментов, — сказала одна из Скрипок, — я берусь рассказать одну древнюю историю. Скорее всего, это легенда. О создании Смычка.

— Просим, просим, — послушались голоса.

ЛЕГЕНДА

Древний Египет. С самого раннего утра до наступления жары трудятся в своём поселении ремесленники — стеклодувы. Они выполняют важнейший заказ — делают посуду для фараона. Нынче во дворце деспота праздник. Что такое праздник? Ремесленники могут об этом лишь догадываться. Их удел гнуть спину.

Воздух наливается зноем. Вокруг тишина. Но внезапно, как струйка воды, вливается в жаркую тишину чей-то голос. По дороге мимо поселения ремесленников идёт человек и поёт. Через плечо на ремешке у него висит арфа, и певец легко касается её струн тонкими пальцами. Прохожий — не вельможа, потому что одет небогато. Он не ремесленник, потому что не трудится в самую трудовую пору дня, и руки у него мягкие и тонкие. У него прекрасная арфа, но он не придворный арфист, если поёт, где ему вздумается. И уж, конечно,

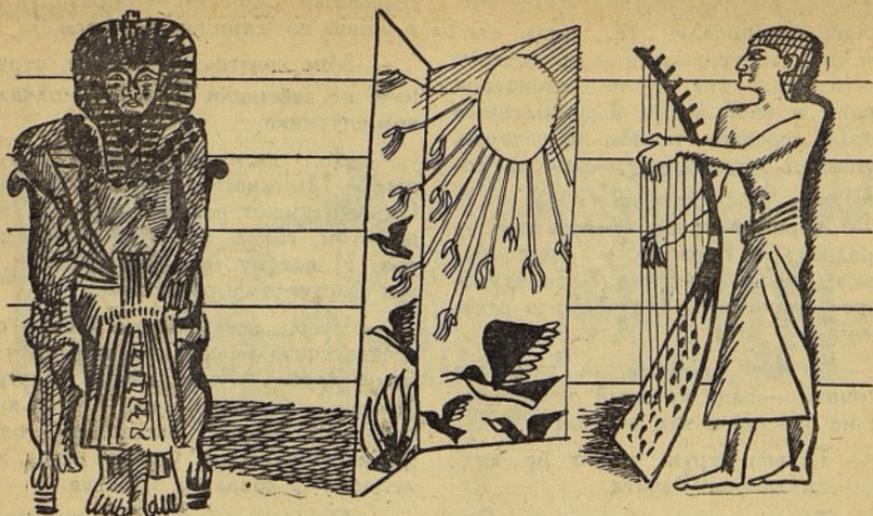
он не раб, ибо свободно разгуливает.
А арфист звонко поёт:

*Велика власть фараона,
Но не повернуть ему
Нил вспять.
Могуч и полноводен
Нил,
Но не залить ему
всю страну.*

*Велика наша страна,
Но вся земля больше.
Велика земля,
Но и она лишь остров в океане.
Велик океан,
Но если небо захочет пить,
Весь океан не утолит его жажду.
Бесконечно небо,
Но и оно умещается в моей песне.*

— Хорошо поёшь! — говорит один из ремесленников. — Неужели ты пел для нас?

— А почему бы и нет, — смеётся арфист, довольный тем, что его похвалили. — Разве моё ремесло не достойно вашего?

— Что ты! — протестуют ремесленники. — Но мы чаще всего слышим крик осла да бляение коз. Вот и вся наша музыка. А твой прекрасный инструмент не предназначен для столь грубых ушей.

— Либо всё-таки предназначен, либо ваши уши не так уж грубы, — отвечает арфист и снова начинает петь.

Чья-то тень ложится на струны арфы. Арфист поднимает голову. Перед ним стоит один из слуг фараона. Важный чиновник приехал сюда, чтобы лично проверить, хороша ли посуда для праздника.

— Поедешь со мной, — кратко говорит он арфисту. — Может, солнечный фараон пожелает услышать твоё пение.

— Я привык сам выбирать себе спутников, — возражает музыкант.

Но чиновник даже не смотрит на него. Он делает знак воинам, сопровождающим его, и те окружают арфиста. Певец с надеждой смотрит на ремесленников, но те втянули головы в плечи...

И вот певец уже во дворце. Слуга фараона пал ниц перед своим господином и рассказывает о неслыханной дерзости певца, отказывавшегося

идти к владыке. Фараон велит позвать музыканта. Арфиста вводят в покои фараона. Но владыка не удостоивает его чести лицезреть свою божественную особу. Он сидит в золотом кресле, а певца устроили за высокой ширмой.

Вот фараон опускает тяжёлые, набрякшие веки, и вельможа устремляется к певцу.

— Играй! — велит он.

Арфист нехотя тронул струны. И, как струйки чистой влаги, цену которой знает любой житель жаркого Египта, полилась чарующая музыка.

Фараон поднимает брови. Он удивлён и недоволен. Этот бродячий музыкантишка играет лучше собственных арфистов фараона.

Вельможа, уловив взгляд повелителя, жестом останавливает арфиста. А фараон делает новый знак.

— Пой! — велит певцу вельможа. Злой огонёк мелькнул в глазах бродячего музыканта. Он на несколько секунд задумывается и поёт:

*Выше всех фараон — повелитель
мира.
Он один на золотом троне.*

*Трон держат мудрые жрецы
И величественные вельможи.
На плечах ремесленников стоят
они,*

*Чтобы праха земли не касаться.
Остальные свободные люди
Хвалу воздают фараону
За то, что стоят на земле,
А не ползают, как рабы.
Государство твоё, фараон,
Уподоблю я пирамиде огромной.
Ты, владыка, — вершина её.
Рабы — подножье...*

Фараон скуп, но самодовольно улыбается. Однако отзвучал музыкальный проигрыш, и вместо слов хвалы фараону, как всегда заканчивают певцы, арфист заключил песню:

*Крепко стоит пирамида,
Но переверни её с ног на голову
И увидишь, долго ли она простоит.*

Фараон в ярости вскакивает, но тут же заставляет себя сесть. Нельзя жаловать своим гневом ничтожного бродягу.

— Хорошо, — тихо говорит он после паузы. — Если бы ты спел в десять раз хуже, всё равно было бы хорошо. Я думаю, что, если вместо десяти пальцев у тебя останется только один, искусство твоё не увянет.

Фараон делает знак, и к певцу бросается стража, чтобы исполнить жестокий приговор...

И вот по знойным дорогам Египта из города в город бредёт беспальный арфист с клеймом немилости, выжженным на лбу. Его сторонятся, его отовсюду изгоняют. И тогда певец бежит из родной страны.

Аравийский полуостров — чужая земля, чужой язык. Безмолвная жизнь среди пастухов. Бездна времени для грустных размышлений. И лишь жалкая утеха — небольшой сосуд, обтянутый шкурой. Вдоль длинной шейки, прикреплённой к сосуду, натянуты две струны. Две струны — два звука. Невнятные. Глухие. И хочется в ярости хлестнуть эти две струны кнутом, когда сердце пере-

полнено прекрасными звуками... А что, если этим кнутом их не хлестнуть, а погладить? Да, погладить! Беспальный музыкант знаками просит пастухов помочь ему. Он долго объясняет непонимающим людям, как изогнуть кнутовище, как натянуть на него конский волос. И вот непонятный инструмент, напоминающий лук, готов. Бывший арфист показывает, что эту непонятную вещь нужно привязать к его правой руке — ведь у него нет пальцев, чтобы самому держать этот первый в мире смычок...

И с той поры тишину стали часто нарушать протяжные звуки, напоминающие глуховатое пение. Звук этот вылетал из недр инструмента с двумя струнами. Прижимая струны к шейке инструмента то в одном, то в другом месте единственным пальцем левой руки, играл арфист. И первый в мире смычок, глядя струны, извлекал из инструмента непривычно долгие звуки, полные тоски и печали. И это была музыка. Музыка, которая подчиняется одной лишь власти — власти тех, кто её создаёт.

— Никогда бы не подумала, — сказала Арфа, — что Смычок был создан при таких печальных обстоятельствах.

— Это всего лишь легенда, — ответила рассказчица. — Но хочу сказать, что печальные обстоятельства этой легенды для нас, струнных инструментов, обернулись счастливыми. С появлением Смычка мы приобрели певучий голос, подобный человеческому.

— А как назывался первый смычковый инструмент? — полюбопытствовал кто-то.

Скрипка нагнулась к Смычку, и тот что-то ей прошептал.

— Коллега Смычок затрудняется ответить на этот вопрос, — огласила она ответ Смычка. — Но до нас дошло название подобных музыкальных инструментов, которые были завезены арабскими музыкантами в Европу. Такой инструмент назывался **ребаб**. Звучанию древних смычковых инструментов старались при-

дать окраску человеческого голоса. Звучали они низко, глухо и неторопливо.

— Ну что ж, — сказал задумчивый Гобой, — струна есть, резонатор есть, смычок есть. До создания скрипки осталось два шага...

— И две тысячи лет, чтобы эти

два шага сделать, — возразила Скрипка.

— Да, сначала придётся вспомнить о моих предках, — пропела Виолончель...

— Однако, друзья мои, — прервал беседу Орган, — уже светает. Скоро начнётся репетиция оркестра.

✱

Михаил САДОВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА...

Последняя страница,
Последняя строка.
Обложка затворится,
Поднимется рука.
Но прежде чем надпишешь
Ты новую тетрадь,
Ты старую отыщешь,
Чтоб снова прочитать
Последнюю страницу,
Последнюю строку,
О чём там говорится,
Где точка начеку.
И станет не последней
Последняя строка,
И к ней ты возвратишься
Ещё наверняка.
Когда откроешь снова
Ты новую тетрадь...
Хочу я
Много, много
Тетрадок исписать!

Рис. В. Адаева

В Баренцевом море есть остров Кильдин. На этом острове есть удивительное озеро (оно называется Могильное), в котором как бы пять этажей!

Первый этаж — дно озера. Оно открыто жидким вязким илом. Здесь сероводород губит всякую жизнь. Зато здесь источник жизнедеятельности обитателей второго этажа — бактерий. Их такое множество, что вода в этом этаже приобрела розово-вишневую окраску. Бактерии окисляют вредный сероводородный газ и очищают воду.

Третий этаж заполнен солёной морской водой. Он полон жизни. До сих пор остаётся загадкой, как сюда поступает морская

*

БЫСТРОКРЫЛЫЙ ПОЧТАЛЫОН

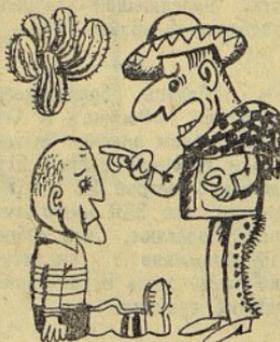
Даже современному быстроходному поезду не удалось обогнать почтового голубя.

Голубь был выпущен с письмом из Северной Шотландии в Саутгемптон — портовый город на юге Англии. Одновременно экспресс вёз копию этого письма. На место назначения поезд прибыл на полтора часа позже быстрокрылого почталыона.

ОЗЕРО В... ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ!

вода, — ведь по-
верхностных или
подводных каналов,
соединяющих озеро
с морем, нет. Учё-

ПО ЗАКОНУ ПАМПЫ

Аргентинский гаучо (пастух) заехал на стадион и, посмотрев футбольный матч, пришёл к выводу, что судья явно нечестен. Недолго думая, гаучо набросил на судью лассо и пришпорил коня.

В пампе (степь) гаучо прочитал судье «лекцию» о футболе да ещё заставил вычистить коня.

На следующий день поборник справедливости предстал перед судом. Приговор гласил: мыть в течение месяца машину футбольного судьи.

ные предполагают, что вода проникает через поры горных пород.

На четвёртом этаже вода чуть солоноватая и для морских обитателей непригодна.

В пятом, верхнем слое — настоящая родниковая вода, пригодная для питья. Здесь обитают уже пресноводные рыбы и водоросли.

Как образовались эти природные этажи, пока остаётся загадкой. Ясно одно, озеро Могильное — уникальный естественный аквариум. Это живой свидетель разных геологических эпох и многих биологических изменений в послеледниковый период.

*

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОЗЕРО

На Алтае есть удивительное озеро. Оно не замерзает, несмотря на лютые сибирские морозы. На дне озера с большой силой бьют тысячи ключей, вода будто кипит и не даёт морозу заковать ледяной панцирь. Ежегодно на озере остаются зимовать лебеди и масса диких уток.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...в Юго-Западной Африке растёт интересное дерево — африканская акация? Её сильно развитые корни проникают в глубь земли на 68 метров.

...население мира увеличивается ежедневно на 180 тысяч человек? Сильно растёт население городов. Сейчас в мире насчитывается 1700 городов, в каждом из которых живёт свыше 100 тысяч человек. Самый большой город мира — Нью-Йорк с пригородами: в нём проживает 11 миллионов 410 тысяч человек. Второе место занимает Токио — 11 миллионов 350 тысяч, затем Лондон — 7 миллионов 913 тысяч, Париж — 7 миллионов 369 тысяч человек.

...горы в Афганистане удивительно красивы и интересны по форме? Над Кандагаром — вторым по числу жителей городе страны — возвышается гора Слон. Сходство с животным поразительно: отчётливо видны опущенный до земли хобот, раздвинутые уши. Есть гора Верблюд, Спящий динозавр и многие другие любопытные творения природы.

...на юго-западе Иркутской области, в Восточных Саянах, живёт одна из самых маленьких народностей — тофы? Преобразилась жизнь маленького народа при советской власти. Государство проявляет огромную заботу о культуре, быте, образовании и здравоохранении народности, населяющей горный заоблачный край.

...рыболовы болгарского траулера «Феникс» в Атлантическом океане вытащили огромное ребро? Его длина 6 метров 25 сантиметров, вес 350 килограммов. Полагают, что ребро принадлежало гиганту, жившему здесь в доисторические времена.

...овчарка Муш в городе Шверин (ГДР) большой специалист по выявлению мест утечки газа? За два года работы в управлении энергоснабжения города Муш обнаружила более 120 повреждений газопровода, залегающего в земле на глубине до 1,5 метра.

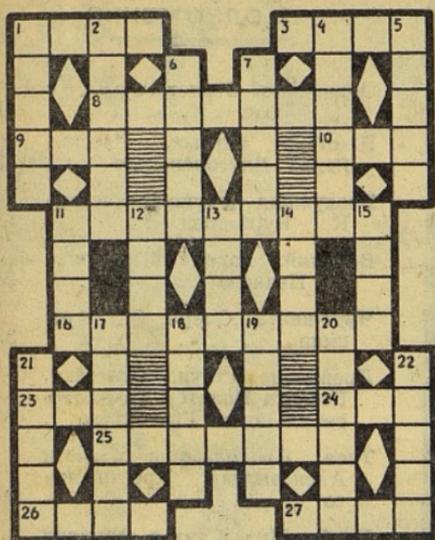
...радиотехник И. Шершнёв, живущий в нашем городе, предложил делать классные доски из... стекла? Одна сторона 6-миллиметрового стекла шлифуется с помощью порошка и несложного приспособления, другая покрывается масляной краской тёмно-зелёного цвета. По шлифованной стороне можно писать мелом. Написанное чётко видно и хорошо стирается. Продолжительность пользования такими досками практически бессрочна.

...знаменитому стелмужскому дубу (Литва) исполнилось две тысячи лет? Этот дуб считается самым старым в Европе. Последнее время он «белел». Из его громадного дупла извлекли несколько грузовиков трухи, тщательно зарубцевали испорченные временем места. Уникальное дерево, ствол которого в обхвате равен 12 метрам, проживёт ещё несколько сотен лет.

...птицы, обитающие на воле, живут меньше, чем птицы, находящиеся в неволе? Дикий аист живёт на воле в среднем 19 лет, а в зоопарках — до 30 лет. Самой старой птице, живущей в неволе, — филину-пугачу из Гамбургского зоопарка — исполнилось 69 лет.

...удивительную способность морских обитателей «разговаривать» между собой наблюдают научные сотрудники Тихоокеанского отделения Института океанологии Академии наук СССР? В больших аквариумах содержатся камчатские крабы, несколько видов камбал, различные морские моллюски. Учёным удалось записать на плёнку голоса разных обитателей океана.

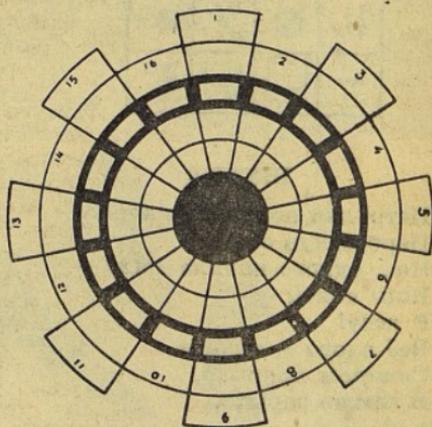

«ШТУРВАЛ»

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

(Составил Виктор СМЕРНОВ)

По горизонтали. 1. Сырьё при добывании металлов. 3. Основной пищевой продукт. 8. Лечебное учреждение. 9. Советский цирковой артист. 10. Персонаж рассказа А. Гайдара. 11. Сельскохозяйственная машина. 16. Птица. 23. Рыбное блюдо. 24. Глубокая канава. 25. Сигнальщик. 26. Шахматная фигура. 27. Атмосферные осадки.

По вертикали. 1. Надстройка на судне. 2. Столярный инструмент. 4. Пилот. 5. Пушной зверёк. 6. Естественный водоём. 7. Длинная телега без кузова. 11. Башня с сигнальными огнями для ориентирования проходящих судов. 12. Туго натянутый ограждающий трос. 13. Лестница на судне. 14. Венгерский композитор. 15. Двухколёсная повозка. 17. Ветер необычайной силы. 18. Музыкально-вокальное произведение. 19. Старая мера длины поменьше метра. 20. Прессованная бумага. 21. Награда победителю в спортивном состязании. 22. Большая, глубокая рывтина, размытая текучей водой.

Впишите в радиальные клеточные ряды фигуры следующие слова:

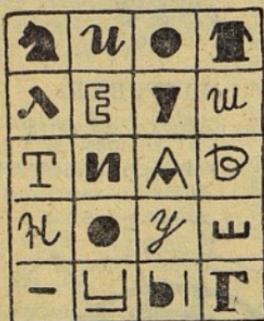
1. Домашнее животное. 2. Работа, занятие. 3. Мужское имя. 4. Световой проём в стене здания. 5. Мера веса. 6. Пологий песчаный берег. 7. Систематические занятия физическими упражнениями с целью развития и тренировки. 8. Торжественная песнь. 9. Украшение. 10. Часть колеса. 11. Светильник. 12. Бесцветный газ, входящий в состав земной атмосферы. 13. Греческая буква. 14. Ткань. 15. Черта. 16. Музыкальный инструмент.

Подбирая слова, нужно руководствоваться не только определениями их, но также и тем соображением, что в выделенном кольце фигуры должно читаться название басни Крылова.

ЗАГАДКА

(Составила Лида ПОЗНЯК)

Здесь можно прочесть загадку,
Разгадать загадку нетрудно, прочесть её всё-таки труднее...

ШУТКА

Нетрудно получить начало,
Перевернув сосуд,
Но... одного начала мало —
Ищи конец
В лесу!
Всё слово — медное,
Свинцом покрыто,
В землю зарыто.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 1)

ПЛЮС-МИНУС

В обоих ребусах зашифровано одно и то же слово — «Марс».

ПО ДВЕ БУКВЫ

Поля стеклянные, межи деревянные (окно).

РЕБУС-ШУТКА

Ст(т=о)рока = сорока.

Содержание

Ординарец. Стихотворение Л. Барбас	1
Шестеро хитрых. Рассказ Якова Длуголенского	2
Воздушная подушка. Рассказ К. Курбатова	12
Великий, народный! Статья В. Иванова	24
Чудо-книга. Очерк Эд. Аренина	34
Дрожащие стихи. Славёна. Помог... Полотёр. Стихотворения Олега Григорьева	39
Туся. Продолжение повести Александра Крестинского	40
Клуб «Ми». Статья Аркадия Клёнова	56
Последняя страница. Стихотворение Михаила Садовского	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Паруса».

На 3-й странице обложки — зимний фоторепортаж Г. Сафонов.

На 4-й странице обложки плакат художника В. Гусева «Солдату знания нужны».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 23/II 1968 г. Подписано к печати 4/II 1969 г. 4 печ. л.
М-22662. Заказ № 1920. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 73 600 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

**ШТЫК ДА САБЛЯ
У СОЛДАТА —
МНОГО ГРАМОТЫ НЕ НАДО.**

**ВАМ В РУКАХ
ДЕРЖАТЬ НЕ РУЖЬЯ —
СОВРЕМЕННОЕ ОРУЖЬЕ.**

**ВАМ БЕЗ ЗНАНИЯ НИКАК —
БО-**

**Е-
ВЯ**

**ТЕХ-
НИ-
КА!**

**ХОЧЕШЬ ПОБЕЖДАТЬ В БОЮ —
НЫНЧЕ С ДВОЙКАМИ ВОЮЙ.
РАЗГИЛЬДЯЙНОСТИ ЛЮБОЙ —**

БОЙ!